

Дарья Донцова

Главбух и Полцарства в придачу

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Главбух и полцарства в придачу

«ЭКСМО»

2003

Донцова Д. А.

Главбух и полцарства в придачу / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2003 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Черт меня дернул согласиться отвезти сына моей многодетной подруги в Вязьму! Нет бы сесть за новую книгу! Ведь я, Виола Тараканова, ни строчки еще не написала. Дело в том, что все мои детективы основаны на реальных событиях. Но увы, ничего захватывающего до недавнего времени вокруг не происходило, разве что мой муж майор Куприн, кажется, завел любовницу. Ну да это никому, кроме меня, не интересно!.. На обратном пути из Вязьмы в купе убили попутчицу Лизу Марченко, а в моей сумке оказались ее безумно дорогие часы. Я просто обязана их вернуть, тем более что у Лизы осталась маленькая дочь Машенька. Но, приехав в семью Марченко, я узнала, что Лиза выбросилась с балкона несколько лет назад, когда исчезла ее грудная дочь Маша, которую похитил сбежавший муж и его любовница. Так кто же ехал со мной в купе и кого убили, а?..

© Донцова Д. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	40
ГЛАВА 9	44
ГЛАВА 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья Донцова

Главбух и полцарства в придачу

ГЛАВА 1

– Я очень люблю всех своих детей, но кое-кто из них ведет себя безобразно, – заявила Верка, откусывая громадный кусок от торта «Полет», который Олег по непонятной причине приволок вчера вечером.

Впрочем, слово «вечером» тут употреблено не совсем удачно, Олег, как всегда, появился домой около часа ночи. Обычно мой муж на цыпочках прокрадывается к кровати и молча заползает под одеяло. В первый год после свадьбы я искренне полагала, что жизнь замужней женщины – это не только стирка, уборка, готовка, но и совместные походы с супругом в театр, кино, ресторан, зоопарк, в конце концов. Потом, сообразив, что Олег терпеть не может музыку, отчаянно скучает на любом спектакле, а в кино, пользуясь темнотой, просто засыпает, я не стала огорчаться. Что ж, моя богом данная вторая половина оказалась из домоседов, и пятьдесят женщин из ста поменяли бы с радостью своего «кота» и гуляку на моего тихого майора. Впрочем, к домоседам Куприн не имеет ровным счетом никакого отношения. Он трудоголик, целый день и часть ночи проводящий на службе.

Сначала я, наивная незабудка, пыталась бороться с привычкой мужа пропадать на работе по двадцать часов в сутки. Ну согласитесь, супруг, который лишь спит с вами на одной кровати, никак не может считаться образцом семьянина. Мне элементарно хотелось романтики, совместных ужинов, кофе в постель, милых подарочков, походов, ладно, не в театр, так хоть в супермаркет за продуктами или в магазин за тряпками.

Куприн с самым несчастным лицом, выслушав мои требования, бормотал:

– Да, конечно, ты совершенно права, сейчас же отправимся в кино.

Но стоило мне, подпрыгнув от радости, схватиться за уличную обувь, как раздавалась противная трель мобильного, муж вытаскивал трубку и отрывисто говорил:

– Да. Где? Когда? Выезжаю.

Услышав в первый раз слово «выезжаю», я чуть не зарыдала от злости, во второй – разбила чайный сервиз, в третий – пошла на сеанс одна, в четвертый поняла: надеяться на что-то иное глупо. Потом было достаточно тяжелое в моральном плане время, когда я задавала себе вопрос: а зачем козе баян? Что же я получила в результате замужества? Зарабатываю я больше Куприна, всякие гвозди в квартире забиваю самостоятельно, умею водить машину, правда, плохо, не боюсь ходить вечером по улицам одна и вообще всю жизнь, начиная с трехлетнего возраста, решаю свои проблемы самостоятельно.

м нога в моей душе поднимает голову зависть к тем женщинам, которым сначала помогали родители, а потом эстафетную палочку из их рук подхватил супруг. Вот, например, Нюся Богачева лет до двадцати пяти сидела за спиной у мамы, а затем в ее жизни появился Вовка. Боюсь, вы мне не поверите, но Нюся не умеет включать стиральную машину, впадает в ступор при виде пылесоса и в любой мало-мальски нервной ситуации хватается мобильный и кричит:

– Вовчик, меня тут до инфаркта довели, немедленно разберись!

Впрочем, завидовать Нюсе дело абсолютно зряшное, потому что так, как ей, больше никому не повезло.

Промучившись около шести месяцев, я внезапно поняла, что сама виновата в том, что моя семейная жизнь катится не по тем рельсам. А не надо было выходить замуж за сотрудника МВД. Кто мешал найти себе тихого писателя или научного работника? Вот такой муж по большей части сидел бы дома, водя ручкой по бумаге. Впрочем, другая моя подруга, Люся

Кочеткова, имеет супруга-академика, который способен умереть от голода перед забитым под завязку холодильником.

В конце концов я решила принимать своего Куприна таким, каков он есть. И теперь моя жизнь протекает просто замечательно. Я пишу свои криминальные романы, а Олег занимается преступниками. Изредка мы пересекаемся, очень довольные друг другом. Правда, в издательстве уверены, что супруг подбрасывает мне темы для книг, но это не так. Олег изредка рассказывает о работе, но из этих историй нельзя сочинить даже самой завалященькой повести.

Теперь понимаете, почему меня до остолебенения удивил вчера Куприн? Во-первых, он пришел домой около шести, чего не случается даже под Новый год, во-вторых, Олег имел винный вид, а в-третьих, держал в руках картонную коробку, в которой оказался торт «Полет». Я, правда, терпеть не могу безе с жирным кремом, мне больше по вкусу простая вафельная «Причуда», но некоторые мужья не знают о пристрастиях своих жен. Олег очень редко приносит мне что-то вкусное.

Я взяла коробку и тут же подумала: «м интересно, что он натворил, если купил десерт?»

Но поговорить по душам нам не дали. Томочка и Кристина засуетились вокруг стола, Семен, тоже непонятно почему оказавшийся в неурочный час дома, поволок Куприна к компьютеру показывать новую игрушку...

Двухкилограммовое безумие из запеченных белков мы сразу осилить не смогли, я спрятала остатки торта в холодильник, и они очень пригодились сегодня, когда в полдень неожиданно нежданно заявила Вера Клокова.

Когда-то мы учились в одном классе и в то время находились на диаметрально противоположных концах социальной лестницы. Я, безотцовщина, воспитываемая крепко пьющей мачехой-дворничихой, стояла в самом низу. Верка, дочь папы-профессора и мамы-актрисы, была наверху. Ее родители часто ездили за границу, и Вера притаскивала в класс всякие диковины типа ластиков с картинками, жвачек и шариковых ручек. А еще у нее было то, чего не имела ни одна девочка в нашей школе: кукла Барби со всякими приамбасами, одеждой, домом, мебелью.

После школы наши пути разошлись, и довольно долгое время мы не встречались, хоть и жили неподалеку друг от друга. Столкнулись совершенно случайно, возле метро. Я, мужняя жена, автор одной, пока еще не опубликованной книги, была одета в симпатичную новую шубку из козлика, на Верке красовался довольно грязный пуховик.

Увидав меня, Клокова радостно завопила:

– Вилка! Пошли в гости!

Вот так я снова оказалась в знакомой квартире и была немало удивлена «пейзажем». Мебель оказалась сильно поцарапанной, ковры вытерты, занавески обтрепанными. Но больше всего меня удивило, что у Верки пятеро детей, самому маленькому едва исполнился год, старший ходил в школу. Еще по комнатам бродило несколько собак, кошек и шмыгали какие-то тетки, одетые в серое, похожие на громадных мышей.

Не сумев скрыть удивления, я бестактно воскликнула:

– Веруська, зачем тебе столько наследников?

– Бог дал, – вздохнула она.

Следовало заткнуться, но я продолжила расспросы:

– Ты, похоже, тяжело живешь?

– Так пятерых на ноги ставить надо, – без особой радости в голосе ответила Клокова.

– Ну за каким чертом ты столько нарожала! – совсем уж бесцеремонно заявила я. – Произвести ребенка на свет нетрудно, но ведь его еще нужно в люди вывести, одеть, обуть, накормить, выучить. Вполне бы хватило двоих, ну троих.

Верка сморщилась.

– Чего уж теперь, на все воля божья.

Тут только до меня дошел смысл сказанной ею фразы, и я поинтересовалась:

– Ты теперь в бога веришь?

Вера помолчала и как-то неуверенно ответила:

– Ну да.

Я удивилась еще больше:

– Слушай, что с тобой случилось?

Внезапно глаза Клоковой наполнились слезами.

– Ничего.

– Может, я могу тебе чем помочь?

Верка зашмыгала носом, а потом рассказала про свою жизнь. Ее родители умерли, а она, испугавшись остаться одна, выскочила замуж за первого, кто предложил ей руку и сердце, приятного, застенчивого Ивана. Лишь через четыре года после свадьбы, когда Верка, поняв, что беременна третьим ребенком, решила сделать аборт, она узнала, что муж является членом некой церковной организации под названием «Заветы Христа». Ничего плохого в этом объединении не было, его участники конфликтовали с русской православной церковью по теологическим вопросам, но и только. В обычной жизни они жили по тем же заповедям: не убий, не укради, не прелюбодействуй, чтить своих родителей...

В «Заветах Христа» никто никого не обманывал, денег не вымогал, не заставлял переписывать на главаря секты имущество, голодом не морил, и Верочке сначала показалось, что ее муж просто член какого-то клуба по интересам. Ну собираются же на тусовки охотники, рыболовы, филателисты... Вот и Ваня тоже ходит на собрания, где, кстати говоря, ничему плохому не учат, в «Заветах Христа» все мужчины были поголовно трезвенниками, не курили и об измене жене не помышляли. Единственное неудобство было в том, что Иван категорически запрещал Вере делать аборт.

– Сколько детей господь даст, столько и воспитывать станем, – решительно говорил он.

Вера сначала приводила простые аргументы, типа: «Нам не прокормить ораву» и «Ну зачем же столько ребятишек?» Но Иван был непреклонен. Может, следовало с ним сразу развестись, но Вера, во-первых, не хотела оставаться одна с двумя уже имеющимися детьми, а во-вторых, она все же не теряла надежды переубедить супруга.

Но ничего не вышло, она произвела на свет третьего, четвертого, пятого... А потом у Ивана умер отец, и свекровь переехала на квартиру к невестке. С собой она привезла двух незамужних дочерей и свою сестру-вдову. Вере, обремененной кучей детей, было просто некуда деваться, да и что она могла сказать супругу? Верушка не работала, сидела дома, зависела целиком и полностью от Ивана. Муж, правда, не вредничал, старался как мог, не препятствовал приходу в дом ее подружек, даже изредка дарил жене подарки, только жила многодетная семья очень и очень бедно. Фактически добытчиком был один Иван. Вера не могла выйти на службу, она постоянно находилась то в процессе вынашивания, то выкармливания очередного младенца. Свекровь получала копеечную пенсию, остальные родственницы тоже имели жалкие доходы.

С тех самых пор наши взаимоотношения возобновились. Я стала отдавать Верушке вещи, из которых выросла Кристина, дочка Томочки, их донашивала девочка Клоковой. И вообще, я по сравнению с Веркой оказалась просто богачкой, потому что имела стабильный доход, машину и могла себе позволить не ходить за продуктами на оптушку, чтобы выгадать пятьдесят копеек при покупке пакета молока.

Верка теперь часто бывала у нас, иногда вместе с ней приходил кто-нибудь из детей, и я постоянно путала их, гадая, кто же сегодня заявился вместе с мамой: Леша, Сережа или Андрюша? Мальчишки уродились похожими, словно волосы на голове.

Но сейчас Вера прибежала одна, жадно накинулась на торт, и я поняла: она опять беременна.

– Ага, – кивнула Вера, увидав в моих глазах невысказанный вопрос, – давай не будем комментировать ситуацию.

Я кивнула. Действительно, какой смысл? Окажись я сама в таком положении, ни за что бы не стала превращаться в родильную машину, просто купила бы противозачаточные пилюли и тайком пила бы их. А начни муж удивляться, отчего не появляются наследники, спокойно бы ответила ему: «Господь не дает».

Я считаю, что врага нужно бить его же оружием. Но Вере, очевидно, ее семейная жизнь пришлось по душе, раз столь простой выход из ситуации не пришел ей в голову.

– Слышь, Вилка, – озвучила наконец цель своего визита Вера, – помоги мне.

Я кивнула:

– Хорошо. А что надо делать?

Честно говоря, я ожидала услышать просьбу о деньгах, но Вера сказала совсем другое:

– Надо Андрюшку в Ломтевку отвезти на лето. Знаешь, я люблю всех своих детей, но кое-кто из них ведет себя безобразно. Андрей постоянно хулиганит, ему в голову приходят жуткие вещи! Я от него просто устала.

– Отправь его в лагерь.

– Дорого, где денег взять? Слава богу, у свекрови брат живет в Ломтевке, он из Андрея обещал за три месяца человека сделать.

– Ну а я тут при чем?

Верка молитвенно сложила руки:

– Отвези его в Ломтевку.

– Это где? – напряглась я.

– Да тут, не очень далеко. На поезде доедете до Вязьмы.

Мне стало нехорошо. Вязьма? Это где же такая?

– Близко совсем, – принялась ободрять меня Вера, – всего-то четыре часа езды!

– А потом оттуда далеко? – осторожно поинтересовалась я.

– Так никуда дальше не надо! – воскликнула Вера. – Его дядя Костя прямо на платформе встретит. А ты сядешь в обратный поезд, он там через полчаса идет, и поедешь в Москву.

Я попыталась мысленно найти аргументы для отказа, но, как назло, ничего достойного на ум не пришло. Верка увидела мои колебания и удвоила усилия:

– Ну, Вилка, что тебе стоит? Завтра суббота, день свободный.

– Я работаю дома, – стала отбиваться я, – пишу книги, мне без разницы: воскресенье, понедельник...

Веркины глаза налились слезами.

– Вилка! Ну помоги! Ей-богу, больше попросить некого. Одного Андрюху не отправить, он поезд на части разберет, Иван в командировку ускакал, маменька его и сестрички ни за что задницы от стульев не оторвут. А если я сама в Вязьму тронусь, то кто же за другими детьми приглядит... И потом, тошнит меня, в поезде просто с ума сойду!

Делать нечего, пришлось соглашаться. Обрадованная Верка наградила меня поцелуем и принялась доедать торт. Я же, стараясь скрыть раздражение, сновала между мойкой, плитой и холодильником. В душе отчего-то нарастала тревога. Конечно, я отвезу Андрюшу в Вязьму, но чует мое сердце, добром эта поездка не закончится.

ГЛАВА 2

Если что-то не заладится с самого начала, нечего и думать о том, что дальнейшие события станут развиваться нормально. В отношении меня это правило срабатывает на все сто. Если утром, выходя из дома, я падаю, то до полуночи буду влипать во всякие неприятные ситуации.

Путешествие в Вязьму началось с отнюдь не радостного известия: поезд уходил поздно вечером, около двадцати двух часов, в пункт назначения он прибывал в районе двух утра, то есть ночи. Но это еще полбеды.

Подлинным несчастьем оказался Андрюша. Очень худенький, если не сказать тощий, слишком мелкий для своего возраста, он фонтанировал энергией и фантастическим образом умудрялся оказываться одновременно в трех местах. При этом парнишка ни на секунду не замолкал.

Сначала он носился по коридору, бесцеремонно заглядывая во все купе, потом повис на проводнице, требуя немедленно объяснить ему принцип действия титана, затем начал карабкаться по лесенке на верхнюю полку и тут же сигать вниз. Разговаривал он громким, въедливым голосом и совершенно не обращал внимания на то, что наши соседи пытаются заснуть. Мне было очень неудобно перед ними, и я пыталась хоть чуть-чуть пригасить активность Андрюши. Куда там! На мои тихие просьбы спокойно посидеть на месте противный мальчишка корчил рожи и орал:

– Не хочу!

Когда наконец мы добрались до места, я была доведена почти до отчаяния и впервые в жизни порадовалась тому, что не имею собственных отпрысков. Если я всего за пару часов общения с мальчишкой практически потеряла разум, то что же со мной случится, коли получу подобное сокровище навсегда?

Когда поезд подошел к перрону, я перепугалась до одури: а вдруг этот дядя не приедет за парнишкой и мне придется тащить его назад?

Но родственник Верки не подвел. Не успела проводница с грохотом опустить чугунную лестницу, как в неровном свете фонаря возникла коренастая фигура в спортивном костюме.

– Давай басурмана, – пробасил мужик.

Мысленно перекрестившись, я выдала ему мальчика и потрепанный рюкзачок с вещами.

– Пить хочу, – завел Андрюша.

– Потерпи, – коротко велел дядя.

– А-а-а... пить!

Мужик со всего размаха залепил пареньку затрещину. Андрей от изумления замолчал, потом взвизгнул и попытался лягнуть обидчика. В ту же секунду он получил вторую оплеуху, а потом дядька, ухватив капризника за шкирку, встряхнул его и заявил:

– Я два раза не повторяю, понял?

К моему огромному удивлению, Андрей молча кивнул.

– Вот и хорошо, – одобрил мужик, – вот и славно, пошли. А вы бегите к кассе, через десять минут состав на Москву придет.

В состоянии, близком к эйфорическому, я понеслась за билетом и через пару мгновений узнала совершенно ужасную новость: мест в скором поезде нет. Решив не отчаиваться, я дождалась состава и стала бегать вдоль вагонов, упрашивая проводников взять меня без проездного документа, естественно, за деньги.

Но хмурые тетки в форменной одежде только мотали головами, наконец одна, понизив голос, сказала:

– И не пытайся, никто не посадит.

– Да почему? Ведь не Христа ради прошусь! У меня есть деньги.

– Ревизоры у нас, – вздохнула проводница, – шерстят почем зря. В другой поезд толкнись, утром.

Я снова пошла к кассе. Сонная девушка потыкала пальцем в кнопки и сообщила:

– Есть только одно место, поезд Прага – Москва, спальный вагон, купе люкс, двухместное, дорого. Берете?

А что оставалось делать? Не сидеть же на вокзале до морковкина заговенья? Тихо радуясь, что Томочка заставила меня на всякий случай взять с собой большую сумму денег, я выгребла купюры из кошелька и стала счастливой обладательницей билета.

Не успела я войти в купе, как лежащая на нижней полке девушка удивленно спросила:

– Что вам надо?

Слегка удивившись ее хамству, я спокойно ответила:

– Извините за беспокойство, мое место двенадцатое.

– Не может быть!

– Почему? Вот билет. Я ваша соседка до Москвы.

– Это невозможно, убирайтесь.

– С какой стати? Я купила билет и имею ровно столько прав на это купе, как и вы!

Высказавшись, я решила сесть на свою полку и тут только увидела на ней, в самом углу, маленького ребенка, лет трех, не больше, сидевшего в обнимку с куклой.

– Это безобразие! – рявкнула девица и вылетела в коридор.

Мы с девочкой остались одни. Испугавшись, что она сейчас начнет плакать, я улыбнулась.

– Меня зовут тетя Виола, а тебя?

– Маша, – четко, совершенно по-взрослому ответила девочка, – Маша Попова.

Короткий халатик задрался выше талии, и я увидела на внутренней стороне бедра девочки крупное родимое пятно странной формы.

– Сколько же тебе лет?

Она подумала, потом сказала:

– Четыре года.

– И куда же ты едешь?

– В Москву, к бабушке.

– Ты в Праге живешь? – продолжала я расспросы, но тут в купе ворвалась девица вместе с двумя проводниками, мужчиной и бабой. Началось разбирательство.

м зучив билеты, проводник спросил:

– Виола Ленинидовна Тараканова кто?

Я помахала рукой.

– Следовательно, вы Елизавета Семеновна Марченко с дочерью Марией Поповой?

– Ну и дальше что? – разъярилась девица. – Я купила все купе и не хочу, чтобы нам мешали.

Проводник покачал головой:

– Нет, у вас одно место, второе детское, на ту же полку.

– Не может быть! Я же всю дорогу ехала без соседей!

Мужчина в фуражке развел руками:

– Случается такое, а в Вязьме продали на полку билетик. Гражданочка Тараканова, располагайтесь.

– Я этого так не оставлю, – прошипела девица, – Машка, слезай!

– Не надо, – я попыталась наладить контакт с фурией, – я не собираюсь ложиться спать, девочка совершенно мне не мешает, пусть себе сидит.

Но Елизавета молча перетащила несопротивляющегося ребенка на свое место.

– Спать пора, – коротко приказала она.

– Не хочу, – неожиданно закапризничала Маша, – не хочу без сказки.

Черные, бездонные глаза ребенка наполнились слезами, выющиеся темные волосы рассыпались по плечам. Смуглая девочка походила на цыганочку и была очень хорошенькой.

– Ложись, – не дрогнула мать.

– Дядю Рому позови, он мне сказку расскажет.

– Потом. Вот приедем к бабушке, тогда дядя Рома и почитает тебе книжку.

– Сейчас!!! Хочу сейчас!

– Дядя Рома спит в соседнем купе, завтра его увидишь, – попыталась унять истерику Елизавета.

– Правда? – всхлипывала Маша. – Дядя Рома тоже едет? А моя бабушка хорошая?

– Конечно!

– Почему дядя Рома не с нами?

– Ему билета не хватило, видишь, там тетя сидит!

– У-у-у, противная! – заныла Маша.

Елизавета порылась в сумочке, достала голубенькую таблеточку, разломилась и дала дочери:

– На!

Девочка безропотно съела лекарство и, мгновенно успокоившись, легла.

Я тоже вытянулась на полке и повернулась лицом к стене. Неожиданно меня сморил сон. Вагон мерно покачивался, в купе работал кондиционер, время было позднее.

Чья-то легкая рука тронула меня за плечо. Я подскочила и ударились головой о сетку, в которой лежало полотенце.

– Испугала вас? – улыбнулась проводница. – Поднимайтесь потихонечку, скоро Москва. Разбудите свою соседку.

– Может, сами ее толкнете? – зевнула я. – Мне, честно говоря, не очень хочется с ней связываться.

Проводница тяжело вздохнула, повернулась и сурово сказала:

– Гражданочка, поднимайтесь, поезд приближается к Москве.

Противная Елизавета, очевидно, крепко спала и поэтому не слышала призыва проводницы. Голову Елизавета прикрыла одеялом, девочки на полке не было. Очевидно, когда я заснула, мать отвела ребенка к некоему Роману, который ехал в соседнем купе, небось хотела спокойно выспаться. Вон как крепко дрыхнет! Впрочем, часы показывали шесть утра, большинство людей в это время привыкли мирно сопеть в подушку.

– Эй, – повысила голос хозяйка вагона, – просыпайтесь!

Но молодая женщина не реагировала.

– Вы ее потрясите, – мстительно предложила я.

– Такая скандальная, – задумчиво протянула проводница, – вон бригадира поезда потребовала. А с какой стати? Чего хотела? Билет у вас есть, в чем проблема? Эй, гражданочка! Поднимайся!

Я встала, протиснулась мимо проводницы, вышла в коридор, сбегала в туалет, умылась, попыталась пригладить торчащие дыбом волосы и побрела назад.

Я редко выезжаю из Москвы, а в таком вагоне вообще очутилась впервые. Он был явно не российского производства. Коридоры тут оказались уже, чем в наших поездах, купе меньше, зато туалет совершенно замечательный, вакуумный, как в самолете, и хирургически чистый. Мое место находилось посередине вагона, и проводница до того, как подняла меня, должна была разбудить уже половину пассажиров, но за закрытыми дверьми стояла могильная тишина, и в коридоре никого не было с полотенцем на плече. Вагон мирно спал, люди оттягивали минуту пробуждения. Я спокойно шла мимо окон, и тут вдруг раздался надрывистый крик:

– Ой, мамочка, господи, спасите!..

Я ринулась было вперед, но тут из моего купе вылетела растрепанная проводница и, воя, словно сирена, понеслась в противоположную от меня сторону.

Я тяжело вздохнула и остановилась перед приоткрытой дверью. Наверное, скандальная Елизавета Семеновна ударила проводницу или сказала ей редкостную гадость.

До прибытия поезда в Москву оставалось примерно двадцать пять минут. Надо бы выпить чаю. В конце концов, я заплатила бешеные деньги за проезд и имею полное право на сервис. А чаю очень хочется, крепкого с лимоном.

Я заглянула в купе. Елизавета мирно лежала, повернувшись лицом к стенке, похоже, она и не собиралась вставать. Я вошла. Ну куда подевалась проводница? Не успела я об этом подумать, как на пороге возникла группа людей, одетых в форменную одежду: двое мужчин и женщина. Увидев проводницу, я обрадовалась и спросила:

– Можно стакан чая? С лимоном?

Она уставилась на меня и заморгала, а один из мужиков вдруг поинтересовался:

– Вы соседка?

– Чья?

– Вот этой.

– В каком смысле?

Дядька потоптался на месте.

– Вместе ехали?

– Нет, я в Вязьме села, она уже тут была и оказалась очень недовольна моим появлением. Простите, но, кажется, я имею право на чай?

– Люся, – сердито приказал дядька, – отведи эту в служебку и напои.

Тут я по-настоящему возмутилась:

– Еще чего! С какой стати мне пить чай в вашем отсеке? Я купила билет на законных основаниях...

– Девушка, – прервал меня мрачно молчавший до сих пор парень, – вам дадут замечательный чай, а может, хотите кофе? Не тот, что пассажирам предлагают, а наш, Люся сделает, да, Люсенька?

Баба оторопело кивнула и попыталась ответить, но из ее рта вырвался звук, напоминающий кваканье молодой лягушки, подзывающей самца.

– У Люси и сливочки есть к кофейку, вкусные очень, жирные, и булочки с маком. Вы идите в служебку, – продолжал соблазнять меня парень.

А что? Выпить кофе совсем неплохо, тем более после почти бессонной ночи. Я решила было пройти вперед, но тут увидела, что на лице более старшего мужчины мелькнуло странное выражение, смесь облегчения с испугом, и моментально остановилась. Минуточку, с какой это стати сюда заявили трое проводников, один из которых бригадир поезда? Я узнала его, он несколько часов назад пытался усовестить скандальную Елизавету. И почему меня столь упорно приглашают на территорию, которая не предназначена для пассажиров? Отчего вдруг решили угостить «своим» кофе, а не растворимой бурдой? Рассчитывают на чаевые? Но я не похожа на «новую русскую».

Внезапно я почувствовала страх. А вдруг это бандиты? Переоделись в форму и теперь заманивают меня в укромное место...

– Никуда не пойду, – сурово заявила я, ринулась в купе и села на свою полку, – хоть убейте. Вернее, убивать меня нельзя. Вас тут же поймают! Имейте в виду, мой муж, Олег Куприн, является майором милиции. Он сейчас стоит на перроне, с цветами, ждет жену, я ему звонила и сообщила номер вагона и место. Представляете, что он предпримет, обнаружив мое отсутствие?

Сами понимаете, что я наврала с три короба. Олег никогда не станет маячить на перроне с букетом, ему и в голову не придет купить розы. Даже не знаю, что должно произойти, чтобы он кинулся за цветами. Естественно, никаких телеграмм я не отправляла...

– Ваш муж служит в милиции? – заинтересовался вдруг бригадир.

– Да, он занимается особо важными преступлениями, убийствами например.

Неожиданно проводница опять завопила, как трехлетний ребенок, у которого отняли конфету, а потом побежала по коридору.

– Ну раз у вас супруг милиционер, – вздохнул парень, – тогда... в общем... ваша соседка умерла. Пройдите в служебное купе. Вам придется задержаться после прибытия поезда, так как вы являетесь свидетелем.

– Ч-чего? – прозаикалась я.

– Всего, – ответил юноша.

– Но она просто спала! Как – умерла? Вы шутите? Ну-ка, потрясите ее за плечо!

– Пройдите к проводнику, – устало сказал бригадир.

Боже, какой ужас! Умерла?! О нет. Бедная женщина, такая молодая, дочка совсем крошка! А муж? Он знает? Вроде он едет в соседнем купе. Как его зовут... Роман!

– Пойдемте, – потянул меня бригадир.

Я послушно двинулась за ним.

– Зонтик забыли, – заботливо напомнил молодой человек.

– Это не мой, – прошептала я.

– А кофточка голубенькая ваша?

– Да, – обалдело выдавила я.

– А белая сумочка и книга «Смерть в водовороте»?

– Да.

– Браслетик серебряный, часики?

– Да.

– Сейчас все в сумочку засуну, – засуетился молодой проводник, – и принесу, вы пока с Ильей Сергеевичем, с нашим бригадиром, ступайте.

Плохо понимая, что к чему, я добрела до служебного купе, где мне налили стакан замечательного, не растворимого кофе, наплескали туда сливок и дали булочку с маком.

– Вы ешьте, – улынулся бригадир.

– Отчего она умерла? – прошептала я, глядя на булку.

– Ну... кто ж так скажет, – вздохнул Илья Сергеевич, – может, сердце больное... пейте кофе, он вкусный.

Тут поезд дернулся и остановился. В купе заглянул молодой проводник и поставил на полку мою сумку.

– Не волнуйтесь, – сказал он, – там все внутри, и кофточка, и книга.

– Спасибо.

– Милиция уже тут, долго не задержитесь, – подхватил Илья Сергеевич, – хотите, пойду вашего мужа позову, он с коллегами живо разберется.

Я быстро засунула в рот булку и сделала вид, что поглощена едой, но бригадир все понял. Усмехнувшись, он ушел.

Милиция не заставила себя ждать. Слегка заспанный сержант повел меня куда-то в глубь вокзала, путь наш лежал по длинным, изгибающимся коридорам, и на пятом повороте я перестала запоминать дорогу.

Затем пришлось сидеть у обшарпанной двери, тихо закипая от злости. Когда я дошла почти до изнеможения, ерзая на жестком деревянном сиденье, появился кабанобразный капитан, лысый, потный, в мятой рубашке и таких же брюках.

– Входите, – мрачно предложил он, впуская меня в кабинет, больше похожий на клетку для хомячка, чем на служебное помещение.

Хотя это я зря. Ни один уважающий себя хомяк не станет проживать в пеналообразном помещении со стенами, покрашенными темно-синей краской, и окнами, покрытыми слоем грязи толщиной более сантиметра, который имеет обыкновение отваливаться без помощи уборщицы.

ГЛАВА 3

Узнав мои паспортные данные, капитан сурово сдвинул густые брови и спросил:

– Чегой-то вы, Виола Леонидовна, всех своим мужем майором пугаете?

– Я?

– Вы.

– И не думала даже. Просто сказала проводникам, что Олег служит в милиции.

– Зачем?

– Ну... просто так.

– Нехорошо, Виола Леонидовна. Вам супруг тут не поможет. У него свое ведомство, у нас наше. И потом, закон для всех один. Думаете, жене майора все можно? Нет уж! Правов у ей столько же, сколько и у моей жены!

Я снова разозлилась:

– Во-первых, вы неправильно произносите мое отчество. Не Леонидовна, а Ленинидовна.

Во-вторых, давайте сразу уточним: кто я – свидетель или задержанная? Во втором случае я имею право на один телефонный звонок и в отсутствие адвоката не скажу более ни слова.

– Вот те мишкин мед! – неожиданно крикнул капитан. – Умные все стали, прямо страсть! Адвокат, муж-майор... Да никто вас не виноватит. На вопросы ответьте – и свободны! Чего тянете?

– Так вы пока ничего и не спрашивали.

– Ехали вместе с Елизаветой Семеновной Марченко?

– Только от Вязьмы, я там села.

– И чего она рассказывала?

– Да ничего.

– Молчала?

– Нет, ругалась с проводниками. Хотела ехать одна с дочерью в купе, а тут я появилась.

– Понятненько. Значит, вы совсем незнакомы?

– Нет.

– А вот врать не надо! – вдруг громко воскликнул капитан.

– Вы о чем?

– О том, что вы отлично знали гражданку Марченко!

– Вовсе нет. Мы никогда не встречались.

– Вообще?

– Конечно.

– Не виделись ни разу?

– Да, представьте себе! В Москве проживает несколько миллионов человек, со всеми познакомиться просто невозможно!

– Не умничайте, – нахмурился капитан.

– С чего вы взяли, будто мы с несчастной женщиной были знакомы?

Капитан шумно вздохнул, потом спросил:

– Вы проживали в свое время на Горской улице?

– Да, еще до замужества. Жила с младенчества, потом переехала.

– Интересно, – сказал капитан, – чем же ваш майор занимается, если новую квартиру приобрел? Вот я взятку не беру, потому и сижу в общаге уж который год, и не вылезти мне из ей, а у некоторых майоров целные апартаменты. Небось три комнаты...

– Больше, – злобно ответила я.

Между прочим, это чистая правда. Мы живем вместе с Тамарой, Семеном, Кристиной и Никиткой. Жилплощадь приобреталась в основном Семеном, который в то время находился

на гребне удачи. Его бизнес, пара газет и журнал, достиг расцвета и начал приносить стабильный доход. Мы же с Олегом вложили средства, полученные от продажи наших квартир. До женитьбы и он, и я имели скромные норки. У Олега была однокомнатная, находившаяся на первый взгляд в удобном месте, в двух шагах от метро «Баррикадная». Но окна дома выходили прямо на зоопарк, и спать в этом здании никто не мог. Звери просыпаются рано, около пяти утра, большинство из них начинает требовать завтрак, оглашая округу недовольным ревом. Вы не поверите, если я расскажу, какие звуки способны издавать умильные макаки, очаровательные мишки и интеллигентные пингвины. Кровь стыла в жилах, поэтому Олегу приходилось по большей части держать окна плотно закрытыми.

У меня же была «хрущоба», отчего-то именовавшаяся двухкомнатной. Лично я совершенно не понимаю, с какой стати крохотную нишу площадью в семь метров следует считать жилой. Но тем не менее по бумагам получалось, что Виола Тараканова имеет аж две комнаты. Жили мы вместе с Томочкой вполне спокойно, пока в нашей судьбе не произошли кардинальные изменения. Но я об этом уже рассказывала и повторяться не хочу.¹ Скажу только, что в результате всех пертурбаций нам достались две квартиры на одной лестничной клетке. И у нас теперь куча жилых помещений. Но об этом капитану знать не надо, пусть умрет от зависти.

– Офигеть можно, – покраснел кабан.

Потом спохватился и рявкнул:

– Жили на Горской? Не вздумайте скрывать!

– Зачем мне утаивать сей факт? – изумилась я. – Да и штамп старой прописки в паспорте стоит, вы же его видите!

– Глупо запирается, – согласился капитан, – и эта на Горской живет.

– Кто?

– Елизавета Семеновна Марченко. Во, глядите.

м показал мне бордовую книжечку, раскрытую на нужной страничке. Я машинально кинула взгляд на строчки, сделанные четким, почти каллиграфическим почерком: «Горская улица, дом 4, кв. 83».

– Ну и что? – удивилась я.

– Как это? Вы жили в двух шагах друг от друга и не встречались?

– Ну, если вы обратили внимание, мой адрес – дом семьдесят девять. Горская улица длинная. Действительно, странное совпадение. Только Елизавета проживала почти на проспекте имени Остапова, а я в противоположной стороне, возле рынка.

– Все равно небось встречались.

Я посмотрела в толстое, глупое лицо капитана, «украшенное» мелкими мышинными глазками. Ну не идиот ли он?

– По вашей логике получается, что все жители Ленинского проспекта, который тянется от Октябрьской площади до Московской кольцевой дороги, должны быть знакомы друг с другом? Или те, кто прописан по Тверской?

– Умные все стали, – закричал кабан, – значит, ничего сообщить по сути задаваемых вопросов не можете?

– Не могу.

– Ладно, ступайте, понадобится – вызовем.

– А что случилось с Марченко? – поинтересовалась я. – Сердце?

Кабан пошуршал бумагами.

– Выстрелили в нее.

– Мапочка! – ужаснулась я.

– Ступайте, – огрызнулся мент, – нечего любопытничать.

¹ История жизни Виолы Таракановой описана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

Не сказав этому свину в милицейской форме «до свидания», я выскочила в коридор и полетела домой. Представляю, как сейчас будет ругаться Олег. Часы показывали девять часов утра.

Открыв дверь, я на цыпочках прокралась в спальню и увидела нашу кровать. Моя сторона аккуратно накрыта покрывалом, слева, где обычно спит Олег, нет никого.

Я с удивлением осмотрела комнату. Однако странно. Обычно Куприн не утруждает себя уборкой постели. Сегодня же ровно натянул плед и положил на место подушку.

В полном недоумении я пошла в ванную и нашла там на веревке рубашку Куприна, выстиранную и уже сухую.

Было от чего прийти в изумление. Как правило, Олег запикивает грязное белье в бачок, а я, когда гора начинает подпирать потолок, засовываю ее в стиральную машинку. Гладит у нас, правда, Томочка. Меня этот процесс способен довести до депрессии. А Тамара включает телевизор и спокойно принимается за дело. Зато я привожу продукты и оттаскиваю в прачечную тяжелые тюки с пододеяльниками, простынями и полотенцами. Так что все по-честному.

Потрогав сорочку мужа, я вышла на кухню, увидела Тому и спросила:

– Кофе есть?

– Давай налью, – засуетилась она. – Как съездила?

– Ужасно, – честно призналась я и начала рассказывать о своих приключениях.

Тамарочка, забыв про неумытую посуду, стала охать и ахать. Я, размахивая руками, плела нить повествования. И тут раздался телефонный звонок.

– Виола? – донеслось из трубки.

– Слушаю.

– Мне нужна Тараканова.

– Это я.

На том конце провода раздалось легкое покашливание.

– Вы любите своего мужа?

– Что за идиотизм, – прошипела я и швырнула трубку.

– Случилось что-то? – озабоченно поинтересовалась Томуська.

– Какая-то кретинка звонила, – рявкнула я, – телефонная хулиганка! Встречаются такие негодяйки, покупают телефонную базу и ну людям голову морочить.

Снова раздался звонок.

– Давай отвечу, – ринулась к столу Тамара.

Но я уже успела схватить трубку.

– Да!

– Не отсоединяйтесь, пожалуйста, – сказал тот же голос. – Я хочу вам добра.

– В каком смысле? – напряглась я.

– Ваш муж Олег Куприн завел себе любовницу, профурсетку Лесю Комарову, – зачастила «доброжелательница». – Имейте в виду, Леся не замужем и явно наметила отбить у вас супруга.

Я не успела даже слова сказать, как из трубки понеслись короткие, частые гудки. Наверное, на моем лице отразилось некоторое изумление, потому что Тома насторожилась и воскликнула:

– В чем дело?

– Бред.

– А поточнее?

– Некая дама сообщила, что Олег якобы завел любовницу. Вот ведь ерунда! Куприн – и измена! Смешнее и не придумаешь. Да у него все время уходит на работу!

Не в силах удержаться, я рассмеялась. Честно говоря, не ожидала, что Томочка воспримет всерьез заявление какой-то балбески. Я сама в детстве баловалась такими звонками, про-

сто мои шутки были не такими злыми. Оставшись одна дома, набирала первые попавшиеся цифры и, услышав «алло», спрашивала:

– Добрый день, беспокоят из домоуправления, вам унитаз нужен?

В большинстве случаев люди, не ожидавшие подвоха, мирно отвечали:

– Нет.

– Замечательно, – продолжала я, – тогда мы сейчас придем и заберем его.

Кстати, Томуська тоже принимала участие в этих забавах. Мы страшно веселились, слушая, как мужчины, поняв, что их одурачили, начинают материться, а женщины грозятся выпороть проказниц ремнем. Во времена нашего с Томочкой детства никто и не слыхивал об определителях номера, поэтому шкодничать можно было практически безнаказанно. Но мы никогда не творили откровенные гадости, не вызывали к кому-нибудь на дом милицию, «Скорую помощь» и пожарных, просто разыгрывали людей. Очень хорошо помню, как мы напугали неизвестную тетку, прикинувшись ее провинциальными родственницами.

– Тетенька, – верещала я в трубку, – неужто нас не помните? Галька и Танька. Из деревни мы, к вам приехали пожить, месяца на четыре.

– Да ну? – дрожащим голосом спросила несчастная.

– Ага, – подтвердила я, – гостинцы у нас, кабанчик живой.

– Живой?! – ужаснулась бедняга.

– Именно, – продолжала я, показывая кулак хихикающей Томочке, – живет не бывает.

– Господи, – пролепетала бедная, очевидно, интеллигентная незнакомка, – что ж мне с ним делать?

– Ветчину и тушонку, – подсказала я.

– Боже?! – воскликнула несчастная. – С ума сойти.

– Не волнуйтесь, – «успокоила» я жертву розыгрыша, – с нами дядя Ваня приехал, он кабанчика прирежет в ванной, колбасу сделает, будете ее потом до зимы есть. Специально подсвинка живьем приволокли, чтоб мясо по дороге не стухло. Вы за нами к десяти вечера на вокзал приезжайте, у самого входа встанем, мигом узнаете: дядя Ваня два метра ростом, мы с Танькой тоже здоровые, а кабан в мешке визжит.

– Почему к десяти? – только и сумела вымолвить вконец замороченная тетка. – Сейчас же два часа дня!

– Так дядя Ваня с Танькой в баню потопали, – выдала я, – вши у них, хотят от паразитов избавиться, а то чесаться надоело.

До сих пор не знаю, поехала ли ни в чем не виноватая женщина на Курский вокзал и как долго она там разыскивала здорового мужика с двумя подростками и верещащей свиньей. Надеюсь, что у нее все же хватило ума не ездить. Лично я бы ни за какие коврижки не пустила к себе таких родственников.

Наверное, незнакомка сообразила, что ее разыграли наглые школьницы. Подчас нам с Томочкой взбрели в голову редкостные глупости, но позвонить по телефону и, услышав женский голос, сообщить о супруге-изменнике? Нет, на такое мы не были способны, вот с кабанчиком вышло классно!

Я улыбнулась воспоминаниям. Тома с тревогой спросила:

– Что с тобой?

– Помнишь, как мы в детстве обманули довольно приятную особу: дядя Ваня и Танька со вшами, кабанчик в мешке...

Томочка расслабилась.

– Да уж, та женщина и впрямь оказалась очень милой. Другая бы стала орать и грозить милицией. Ты сама, услышь такое, что бы сделала?

– Ну... сложно сказать.

Она прищурилась.

– А то я тебя не знаю! Небось начала бы кричать и ругаться.

– Вполне вероятно, – усмехнулась я, – а может, вспомнила бы, что сама такой была, и подыграла бы детям. Олег давно убежал?

Вопрос явно риторический. Куприн, как правило, уносится из дома около восьми. Сама не понимаю, отчего решила спросить у Томи про моего майора. Но подруга, воскликнув: «Ой, горит!» – бросилась к тостеру.

Я удивилась, этот прибор имеет обыкновение отключаться автоматически, и сейчас на кухне совсем не пахнет гарью. Но не успела я высказать недоумение вслух, как раздался звонок в дверь.

Я пошла на зов и обнаружила на пороге своего папеньку с большим чемоданом в руке.

– Здравствуй, доча, – радостно воскликнул Ленинид и распростер объятия, – иди сюда, поцелуй папку!

Я тяжело вздохнула. Все ясно, он принял на грудь хорошую дозу спиртного, в нем уже не меньше бутылки. Если Ленинид «скушал» сто пятьдесят граммов, он просто глупо улыбается и мерзко прихихикивает, а когда опрокидывает в себя около двух стаканов, начинает меня целовать. Я же терпеть не могу объятий вообще, а уж пьяных в особенности.

– Тебя Наташка выгнала, – констатировала я, бросая взгляд на чемодан, – за пьянство. Давно пора. Только зря сюда притопал, мы честно предупредили: явишься подшофе, не пустим. Ступай себе с богом.

Папашка заморгал, потом с укоризной воскликнул:

– Ну доча! Не любишь ты меня совсем! Глянь-ка, что я принес.

С этими словами Ленинид порылся сначала в одном кармане, потом в другом, вытащил карамельку «Чупа-чупс» без обертки и, стряхивая с нее налипшие крошки, забубнил:

– Знаю, любишь сладкое, вот вкусная конфетка, на палочке, лакомись на здоровье.

Похоже, я ошиблась, папашка набрался по самые брови. Стадия дарения «конфетки» предшествует полнейшему остекленению Ленинида. Он, скорей всего, выжрал почти литр водки. Ясное дело, что его нынешняя жена Наташка, дама суровая, борющаяся с пьянством мужа при помощи простых народных средств, кулака и скалки, выгнала свое сокровище вон. Но и я не лыком шита. Прожив все детство с алкоголичкой Раисой, терпеть не могу выпивох, и Ленинид великолепно об этом знает, хоть мы и встретились с ним, когда я, давно став взрослой, похоронила мачеху.² Поэтому сегодня не пущу к нам папашку. Пусть едет куда хочет и сидит там, пока не протрезвеет.

² История жизни Ленинида рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

ГЛАВА 4

– Ну доча, – ныл Ленинид, опасливо косясь на меня, – не злись на папку. Один я у тебя, другого-то не будет. И не пил вовсе, так, пригубил чуток от радости. Ей-богу, только пару бутылок пивка тяпнул, водки ни граммульки, ни капельки, лишь «Клинское» светлое, его даже детям дают, от него одна польза и никакого вреда.

– Что же тебя столь обрадовало? – спросила я.

– Так Наташка отдыхать уперлась! – счастливо воскликнул папенька. – Вместе с сыном и жабой. Путевку взяли, в санаторию отъехали, на трехразовое питание, нервы лечить.

– С кем? – удивилась я.

Воображение мигом нарисовало Наташку, весьма грузную особу, бодро шагающую к самолету. В руках наша бывшая соседка и моя теперешняя «маменька» сжимает банку, в которой сидит здоровенная лягушка с выпученными глазами. Но откуда она у Наташки? Жена Ленинида самозабвенно разводит цветы, а к животным совершенно равнодушна.

– С кем она уехала? – повторила я.

– С сыном и с жабой, – повторил Ленинид, – с моей тещей, чтоб ей минеральной водой захлебнуться там, любимой маме.

Тут только до меня дошло.

– Значит, Наташка с сыном и с матерью укатила на курорт?

– Точняк, – подтвердил папенька, – желудок полоскать.

– А тебя к нам отправили?

– Опять верно.

– С какой стати?

Ленинид горестно пожал плечами:

– Сам не пойму, дали чемодан и велели: «Ступай к своей доченьке драгоценной. Мы тебя тут одного не оставим, нажрешься, как свинья, грязь разведешь, баб притащишь». Сумку сложили и выпихнули.

Я ринулась к телефону. Ну, Наташка, погоди! Сейчас выскажу ей все, что про нее думаю.

– Эй, доча, – воскликнул Ленинид, наблюдая, как я яростно тычу в кнопки, – не старайся!

Уперлись они, дома нет никого.

– Тогда ступай назад.

– Не могу.

– Почему?

– Да они дверь заперли, а ключи с собой забрали.

– У тебя что, своих нет?

– Не-а, они и мои утащили в санаторию.

– Послушай, ты же бывший вор, неужели не сумеешь замок вскрыть! – не утерпела я и тут же пожалела о сказанном.

Ленинид, говоря языком милицейского протокола, твердо встав на путь исправления, решительно порвал с преступным прошлым. И вообще, некрасиво напоминать папеньке об ошибках молодости. Сейчас он честный гражданин, отличный краснодеревщик, верный муж, а семь или восемь ходок на зону – я постоянно путаю, сколько раз он сидел, – остались в другой жизни. На данном отрезке времени Ленинид законопослушный гражданин, ну выпивает иногда, так кто из нас без греха?

– Эх, доча, – пригорюнился папенька, – вор-то вор, только по хатам не шебуршил, лопатники тырил у лохов,³ с замком управиться, правда, сумею, но прикинь, что со мной Наташка

³ «...по квартирам не лазил, воровал кошельки у растяп...»

с жабой сделают, когда вернутся? Завизжат, словно потерпевшие, завоют... Уж пусти, Христа ради, впрочем, коли не захочешь, я на вокзал пойду. Мне не привыкать бомжевать!

Я посторонилась.

– Входи.

– Ай, спасибо, ну дочура, ну хорошая, – зачастил Ленинид, снимая ботинки, – я вам помогу. Вон, дверца у шкафа болтается. Семен-то с Олегом безрукие, гвоздя не вобьют.

– Иди на кухню кофе пить, мастер, – усмехнулась я.

Злость куда-то испарилась. На Ленинида невозможно сердиться больше десяти минут подряд. Несмотря на возраст, папашка сохранил совершенно детское выражение глаз и обезоруживающую наивность.

Вернувшись в спальню, я с тоской посмотрела на стопку чистой бумаги. Скоро надо сдавать в издательство новую книгу, у меня же в голове зияющая пустота, никаких мыслей. О чем писать? Какую тему придумать? Наркоторговля? Мафия? Милиционеры-оборотни? Все старо, как мир. Стоит зайти в любой книжный магазин, и мигом натолкнетесь на кучку детективов, на тот или иной лад перепевающих старые песни.

Взгляд уперся в календарь. Еще пара дней, и мне начнет звонить редактор. Я до паники боюсь милейшую, интеллигентнейшую Олеся Константиновну. Только не подумайте, что она ругает меня. Нет, она просто очень любезно напоминает:

– Виола Ленинидовна, ждем рукопись.

Ни разу она не вышла из себя, не повысила голоса, но отчего-то я, слыша в трубке мелодичное сопрано редактора, мигом покрываюсь холодным потом и начинаю, глупо хихикая, говорить глупости. Скорей всего Олеся Константиновна считает меня полной идиоткой, но бизнес есть бизнес, а детективы Арины Виоловой, это мой псевдоним, по непонятной причине вдруг начали хорошо продаваться, поэтому редактор и терпит авторшу, постоянно опаздывающую сдать новую книгу.

Вот и сейчас следует немедленно приковаться к письменному столу, но никакого желания делать это у меня не возникало.

Оттягивая неприятный момент, я решила навести в спальне порядок. Вот разберу шкаф и сяду за работу. Хорошо, что Олега нет дома. Недавно, увидав, что я перекладываю вещи в гардеробе, Куприн заметил:

– Сегодня вторник. Между прочим, в воскресенье ты уже приводила в порядок шмотки.

– Они снова скомкались.

Олег ухмыльнулся:

– Да нет. Просто тебе неохота писать, вот и ищешь любой повод, чтобы не браться за книгу.

Я очень разозлилась в тот момент на мужа и довольно резко ответила:

– Вот уж не знала, что живу с психоаналитиком.

Куприн заулыбался еще шире.

– Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав. Римская пословица. Злись сколько угодно, но я уже знаю: в тот момент, когда нужно взяться за работу, писательница Арина Виолова начинает усиленно заниматься домашним хозяйством.

Вспомнив нехстати этот диалог, я села к столу. Покусав ручку и нарисовав на бумаге строй чертиков, встала и, сама не понимая как, очутилась у шкафа. Руки схватили было свитер, но я тут же обозлилась. Это что же получается? Олег прав? Да никогда!

Отскочив от гардероба, я увидела свою сумочку и вытряхнула ее содержимое на кровать. Так и знала. Тут полно барахла! Сейчас наведу в ридикюле порядок и начну вдохновенно ваять новую книгу. Получается, что Куприн вовсе не прав! Сумочка-то не шкаф! Ну-ка, посмотрим.

Книжка, губная помада, зеркало, расческа, пара мятных конфеток, кошелек – все нужные вещи. А это что? Мой браслет! Как он сюда попал? Ах, да! Он же лежал в купе на столике,

проводник сунул его в сумочку. Вот и кофточка, мягкая, словно ее жевала корова, и... часы. Я машинально вертела их в руках. У меня никогда таких не было.

Обычный кожаный ремешок, украшенный довольно крупными стразами, обычный плоский корпус из желтого металла. Под цифрой 12 виднелась надпись «Chopard». Скорей всего это копеечная электронная поделка. Я не ношу часов, они мне не нужны. Почему-то я хорошо и так знаю, сколько времени. И откуда в сумке взялась сия вещица?

Внезапно в памяти всплыл диалог в купе.

Проводник, складывая вещи, каждый раз задавал мне вопрос. Я, ответив дважды «да», машинально сделала это опять. Просто обалдела, услышав известие о смерти попутчицы, потому и кивнула. Часы принадлежат Елизавете Марченко, только ей они больше ни к чему. Надо выбросить «брегет» в помойку, и дело с концом. Таких «шедевров» навалом на каждом углу.

Взяв двумя пальцами ремешок за самый край, я вышла из спальни и наткнулась на Сеню.

– Ты дома? Надо же, обычно даже в выходной работаешь!

– Ага, – зевнул муж Томуськи, – сейчас убегаю. Решил один разок поспать. Надоело каждый день в шесть вставать.

– Правильно, – одобрила я, – надо иногда себя побаловать!

– Что это ты несешь, словно дохлую мышь? – поинтересовался Семен.

– Да вот, выбросить хочу.

– Дай поглядеть.

– На.

Сеня взял часики, повертел их в руках и присвистнул:

– Шутница! Выбросить! Где взяла?

Почему-то мне не захотелось говорить приятелю правду.

– Нашла.

– Где?

– Э...э... в подъезде.

– Каком?

– Нашем. Иду к лифту, смотрю, лежат. Ну я и прихватила, – самозабвенно начала я врать, – подумала, вдруг дорогие, а теперь вижу, дрянь копеечная.

Сеня уставился на меня.

– Они не дорогие.

– Я уже разобралась.

– Они не дорогие, – повторил Семен, – а очень дорогие, диких бабок стоят. Если и впрямь обнаружила их на лестнице, то немедленно повесь объявление. Интересно, кто у нас такие носит? Хотя, может, посторонняя женщина посеяла.

Я погрозила Сене пальцем:

– Сегодня не первое апреля. Я очень хорошо знаю им цену. У Кристи есть похожие. Помнишь, я покупала ей их за пятьсот рублей.

Сеня покачал головой:

– Нет.

– Вечно ты со мной споришь! Сама платила полтыщи.

– Не о том речь, – протянул Сеня, – у Кристи барахло, сделанное в Китае, ему красная цена две сотни, ты даже переплатила. А эти вот произведены фирмой «Chopard». Корпус золотой, стрелки тоже, цифры выложены настоящими рубинами, на ремешке бриллианты. Думаю, тысяч пятьдесят баксов игрушечка стоит.

– Издеваешься, да?

– И не думал. Видишь, надпись – «Chopard».

– Сколько, говоришь, они стоят?

- Пятьдесят тысяч долларов, – повторил Сеня.
- Не ври, таких цен на часы не бывает!
- И где ты их взяла? – вновь поинтересовался он.
- Нашла.
- В подъезде?
- Именно.
- Теперь ты не ври!
- Хватит мне голову дурить, – рассердилась я.

Сеня пожал плечами:

– Хозяин – барин. Хочешь вышвырнуть на помойку кучу денег – семь футов тебе под килем. Но послушай совет умного человека.

– Твой, что ли? – ехидно прищурилась я.

– Да, – совершенно серьезно заявил приятель, – отправляйся в часовой магазин и покажи там безделицу. Скажут, что цена ей полкопейки, тогда выбрасывай.

С этими словами он исчез в ванной, а я осталась в коридоре, разглядывая часы. Вот это стоит пятьдесят тысяч долларов? С ума сойти! Да нет, Семен просто издевается. Он у нас шутник, способный с абсолютно серьезным лицом разыграть кого угодно.

Очень хорошо помню, как пару месяцев назад Сеня приволок домой пакет с полуфабрикатами. Это оказались невероятно вкусные, восхитительные котлетки. Слопав штук пять, я поинтересовалась:

– Из чего же они сделаны? Не пойму никак, вроде курица, но по вкусу не совсем...

Сеня хмыкнул:

– Ни в жизни не угадаешь. Это мексиканский носорог.

Тарелка чуть не выпала у меня из рук.

– Кто?

– Мексиканский носорог, – повторил Семен, – в нашем супермаркете дают, у метро. Все хватают, потому что очень вкусно и недорого, всего двадцать рублей килограмм.

– Они просроченные? – с подозрением спросила Кристина, только что схомякавшая три штуки.

– Почему? – удивился Сеня.

– Больно дешево, – заявила девочка, – оттого и подозрительно. Если вкусно и стоит копейки, жди подвоха.

Сеня спокойно взял очередную котлетку и начал растолковывать дочери принцип ценообразования:

– Чем больше особь, тем она дешевле. Вот рябчик, к примеру, совсем крохотный, поэтому и стоит о-го-го, а корова большая, посему говядина вполне доступна. Мексиканский же носорог – животное пугающего размера. Теперь поняла?

– Ага, – кивнула Крися.

– Надо купить про запас, – оживилась Томуська, – запихнем в морозильник. На самом деле отличные котлеты и готовятся мгновенно. Вилка, сходи в магазин.

Поскольку на меня возложена обязанность доставки на дом продуктов, я села в машину, доехала до супермаркета, схватила самую большую тележку и, намеревшись забить ее до упора полуфабрикатами из мексиканского носорога, покатила по торговому залу.

Не найдя в холодильниках ничего похожего, я подошла к продавщице и поинтересовалась:

– Где у вас гамбургеры из мексиканского носорога?

Девушка выпучила глаза:

– Кого?

– Мексиканского носорога.

– Господи! Чего только не продают! – потеряв профессиональную вежливость, воскликнула девушка. – Офигеть прямо! Спросите в информбюро.

Я подрулила к стойке и воскликнула:

– Есть у вас котлетки из мексиканского носорога?

Проходившие мимо покупатели остановились и начали с интересом прислушиваться.

Юноша, сидевший у компьютера, ответил:

– Их нет.

– Вот жалость! Уже раскупили. А когда еще привезете?

– Никогда.

– Почему?

– Их и не было.

– Как это? У вас покупали!

Минут пять мы с парнем спорили, потом он в сердцах воскликнул:

– Во народ пошел! Вчера одна дамочка чуть от злости не задохнулась, требовала яйца розового дрозда, теперь вы свалились на голову! Ну подумайте сами, откуда в Мексике носороги?

– Разве они там не живут?

– Нет, конечно.

Но меня не так легко сбить с толку.

– Вон у вас лежит коробка, написано «Американские ананасы». Насколько я знаю, эти фрукты в США не растут. Их там просто приготовили. Следовательно, носорога привезли из Африки в Мексику...

Окончание фразы застряло у меня в горле, потому что взгляд уловил в толпе людей, внимательно слушавших мою перебранку с парнем, довольно ухмыляющегося Семена. Все стало на свои места. Приятель просто разыграл нас и теперь от души веселился, глядя на меня. Потом Сеня признался, что вкусные котлетки на самом деле были из индюшатины.

В результате я перестала ходить в любимый супермаркет, потому что всякий раз, войдя в торговый зал, налетала на стойку справочного бюро и видела парня, который мгновенно с самым серьезным лицом заявлял:

– Мексиканского носорога еще не завезли, впрочем, испанского бегемота тоже, рекомендую курицу, дешево, сытно, вкусно, вы попробуйте, должно понравиться.

Может, теперь Сеня решил посмеяться надо мной опять? Держа часы, я вернулась в спальню, вытащила справочник, нашла нужный номер телефона, набрала его и услышала безукоризненно вежливый голос:

– Магазин «Время часов», Катерина, чем могу вам помочь?

– Я хочу купить подруге часы на день рождения.

– Прекрасный выбор.

– Золотые, цифры рубиновые, на ремешке камни.

– Великолепный вкус.

– Сколько могут стоить такие?

– К сожалению, я не могу назвать стоимость, простите.

– Почему?

– Стоимость зависит от многих вещей, к примеру, от размера камней. Вам лучше подъехать и выбрать модель.

– Хоть примерно.

– Очень сложно ответить.

– Ну какого порядка может быть их цена?

– Ну... точно не скажу, в нашем салоне от пяти тысяч и выше!

– Чего?

– Долларов, мы не переходили на евро.

– Это нижняя цена?

– Да.

– А верхняя?

Раздалось деликатное покашливание.

– Предела нет. Можно заказать и за сто тысяч, и за двести, все зависит от желания клиента.

– Спасибо, – пролепетала я.

– Это вам спасибо за то, что обратились к нам, ждем вас в магазине, кстати, мы имеем гибкую систему скидок, и вы можете получить в случае покупки наших часов ценный подарок.

Я быстро повесила трубку. Значит, в одном Сеня не соврал. Часы за пятьдесят тысяч американских рублей – это не миф. Оказывается, есть люди, готовые выложить за хронометр на запястье целое состояние. Просто не верится.

Я снова повертела часы, потом спрятала их в сумочку и стала одеваться. Сейчас же поеду в салон в Третьяковский проезд, покажу продавцам безделушечку, и, если она и впрямь стоит бешеных денег и не подделка, я немедленно отвезу их родственникам несчастной Елизаветы. Адрес ее я помню хорошо, бедняжка проживала на другом конце нашей улицы, в доме номер четыре.

ГЛАВА 5

Для тех, кто не знает, поясню: Третьяковский проезд расположен в самом центре Москвы, неподалеку от Красной площади, там находятся самые фешенебельные бутики, куда обычным москвичам не приходит в голову даже соваться. Да и зачем глазеть на товар, который никогда не купишь? И потом, я не знаю, как в других городах, но в Москве цена вещи еще не показатель ее качества.

Пять лет назад я за абсолютные копейки купила у бабушки, стоявшей возле метро «Сокол», маечку. Честно говоря, просто пожалела старуху, топтавшуюся на морозе с абсолютно неподходящим для ледяного февраля товаром – тоненькими футболками. И что бы вы думали? Отдав за прикид тридцать рублей, я ношу его до сих пор. Стирала майку многократно, но ее ярко-бирюзовый цвет совершенно не потускнел, она не вытянулась, не деформировалась и до сих пор смотрится так, будто ее только что купили. Сделана она ловкими китайцами и не прикидывается фирменным изделием, ярлычок честно сообщает: «Made in China». А вот Томочка месяц назад купила себе очень симпатичную водолазку. Стоила она дорого, висела в магазине «Подийум» и была снабжена кучей бумажек и значков, чтобы покупатели знали: вы получили за свои деньги не абы что, а продукцию Армани. Но спустя пару дней обновка покрылась противными катышками, а после первого соприкосновения с водой сильно полиняла. Вот и гадай теперь, где лучше делать покупки. Очень часто в дорогих магазинах оказываются вещи отнюдь не эксклюзивного качества. А как сказано в одной всем известной книге: «Вся контрабанда делается в Одессе, на Малой Арнаутской улице». Просто туфли, которые вы спокойно купите в обычном месте этак за тысячу рублей, в каком-нибудь «шопе» стоят в десять раз дороже. Кстати, имей я немереные метры долларов, все равно бы не стала покупать платишко за десять тысяч «зеленых». Скорей всего меня просто замучают жадность и здравый смысл. Каждый раз, читая в газете «Мегаполис» рассказ о том, как некая певица упаковалась в джинсы стоимостью в годовой бюджет какой-нибудь малоразвитой африканской страны, я испытываю здоровое удивление. И зачем ей это, а? Ей-богу, издали совершенно непонятно, сколько стоили штаны, их следует носить наизнанку, чтобы окружающие заметили фирменные ярлычки. И потом, три четверти населения России даже при виде товарного знака не догадываются о стоимости вещи.

Кстати, намереваясь забежать в супермаркет и вознамерившись купить там рулет с начинкой из мака. Выглядело сие кондитерское изделие просто великолепно. Я взяла лоточек, глянула на цену и, удивившись, сказала продавщице:

– Здесь ошибка.

– Где? – заинтересовалась она.

– Вот, смотрите. Цена – пятьсот рублей килограмм, – засмеялась я, – булка не может столько стоить, наверное, имелось в виду пятьдесят, случайно лишний нолик припечатали.

– Нет, нет, – покачала головой приветливая девочка, – именно пятьсот.

Я разинула рот. Кусок теста стоимостью в полтысячи целковых? Господи, из каких же ингредиентов его сделали? Вместо куриных положили яйца жар-птицы?

Очевидно, на моем лице отразилась такая гамма чувств, что продавщица попыталась объяснить ситуацию:

– Рулет с маком, понимаете?

Я моментально успокоилась. Ага, ясно, лакомство предназначено для наркоманов. Внутри пирога начинка из опийного мака, отсюда и его бешеная стоимость. Пойду куплю у метро плюшки с обычным маком по пять рублей за штучку. м, чтобы закончить сей пассаж, хочу спросить: дорогие мои, вы понимаете, зачем приобретать машину марки «Хаммер»? Спору нет, это великолепный вездеход, на нем страшно удобно раскатывать по Сахаре или пре-

одолевать бездорожье Нечерноземья, но ездить на подобной тачке по Москве? Это же смешно. Я бы с огромным удовольствием поменяла свои раздолбанные, вечно ломающиеся, закипающие при малейшем повышении температуры и не заводящиеся при морозе «Жигули» на приличную, новую, небольшую иномарку, но «Хаммер» не взяла бы никогда. Вы спуститесь в метро в лапах и подводной маске? Да нет, конечно. А почему? Идиотский вопрос! В подземке нет воды, а в лапах неудобно стоять на эскалаторе и топать по бесконечным переходам. Вот так же нелепо выглядит на московских улицах и супернавороченный, предназначенный для экстремальных дорожных условий вездеход. Кстати, дамы, метущие подолами соболиных и норковых шуб платформы подземки, тоже вызывают у меня улыбку, равно как и женщины, нацепившие в десять утра для похода на рынок серьги, в которых сверкают бриллианты размером с куриное яйцо. Впрочем, нет, они возбуждают скорее тихую жалость. Вот бедняги! Они просто хотят привлечь к себе внимание и могут это сделать лишь при помощи украшений.

Но что-то я разворчалась, наверное, просто из зависти. Мне-то «Хаммер» не светит, а из золота я имею одну лишь цепочку.

Сжимая под мышкой сумочку, я добралась до Третьяковского проезда, нашла нужный магазин и, слегка поколебавшись, вошла внутрь.

Две продавщицы, блондинка и брюнетка, моментально бросились ко мне.

– Вы желаете купить часы?

– Женские? Мужские?

– Посмотрите сюда.

– Есть каталог.

– Вот новинка будущего сезона.

– Возможна скидка на этот товар.

– У нас при покупке дают подарок.

– Обратите внимание на центральную витрину!

Я попыталась остановить балаболку:

– Хочу просто задать вопрос.

Но девицы, впавшие при виде потенциальной клиентки в раж, принялись еще громче верещать:

– Садитесь сюда.

– Лучше на диван.

– Желаете чаю?

– Кофе?

– Зеленый? Черный?

– С молоком или лимоном?

– Вам не дует?

– Может, душно?

– Курите, пожалуйста.

У меня закружилась голова. Ну нельзя же так тараторить. Плюхнувшись в глубокое мягкое кожаное кресло, я вытащила часы и положила их на стеклянный столик. Продавщицы сразу замолчали.

– Сделайте одолжение, – попросила я, – скажите, сколько они стоят.

Девушки переглянулись.

– Вы их не у нас покупали, – почти сердито сказала беленькая девочка.

– Лучше обратитесь туда, где приобрели часы, – подхватила черненькая, – наверное, вам сделали скидку.

– Видите ли, мне их подарили.

– Так радуйтесь и носите, – улыбнулась блондиночка.

Я горестно вздохнула:

– Понимаете, я совсем не богата.

Продавищицы разом приобрели человеческое выражение лица.

– Но имею очень обеспеченную подругу, которая преподнесла мне сей презент. Честно говоря, я подумала, может, продать его?

Брюнетка хмыкнула:

– Ну мы-то не скупка.

– Я вовсе не предлагаю вам приобрести часы.

– А чего хотите? – уже без улыбки поинтересовалась блондинка.

Я просительно взглянула на них.

– Девочки, сделайте одолжение, оцените подарок: если он стоящий, я сумею из общежития выехать. Только не сердитесь на меня. Так себя некомфортно чувствую, никогда не захожу в подобные магазины и к вам бы не заявила, только мне за эти часы предлагают пятьдесят тысяч долларов, вот я и прибежала за советом, ну не могут же они столько стоить.

Брюнетка вдруг приветливо улыбнулась.

– Давайте гляну. Лена, принеси женщине воды.

– Вам с газом? – оживилась Лена.

– Ой, не стоит беспокоиться.

– А мне приятно вас угостить, – прищурилась она, – к нам редко нормальные люди заглядывают, в основном одни фуфырлы, правда, Катя?

– Часы из старой коллекции, – сообщила та, – такими у нас давно торгуют. Хотя, может, ваша подруга купила их за границей. Камни настоящие, бриллианты чистой воды. Ремешок по спецзаказу сделан. Видите, камушков десять штук, а в базовом варианте всего два брюлика.

– Можно заказать ремешок?

– Конечно, – кивнула Лена, – денежки отстегнете, сделают что угодно, хоть крокодилу в брюхо будильник вставят. Некоторые такое хотят!

– Соответственно повышается и цена, – подхватила Катя.

– А за эти сколько?

– Надо бы ювелира позвать, – протянула Катя, – чтобы точно сказать. Только Олег Моисеевич сегодня после четырех будет. Вы придите попозже. Когда речь об эксклюзиве идет, лучше с ним посоветоваться.

– Ну хоть примерно скажите!

Катя задумчиво почесала бровь.

– Пятьдесят тысяч много. Думаю, около двадцати. Но Олег Моисеевич оценит камни и тогда назовет точную цену.

– Спасибо, – с трудом приходя в себя, кивнула я.

– К пяти подгребайте, – улыбнулась Лена, – до оценки не отдавайте, можете прогадать.

Оказавшись на душной улице, я изо всех сил прижала к себе ридикюльчик. Господи, а ведь чуть было не отправила часики в помойное ведро. Надо немедленно ехать туда, где жила Елизавета Марченко. Скорей всего ее муж Роман вместе с девочкой Машей дома.

Еле дыша от напряжения, я спустилась в метро, добралась до бывшей родной станции, потом села на автобус и, проехав мимо своего дома до другого конца длинной Горской улицы, вылезла возле здания с номером четыре.

Дверь мне открыл круглолицый парень. Учítывая, что Елизавета трагически погибла сегодня рано утром, юноша вел себя более чем странно. В одной руке он сжимал бутылочку пива, а на лице его гуляла радостная улыбка. Из глубины комнаты доносились раскаты смеха и музыка.

– Вы к маме? – спросил парень и икнул. – Извините, она на дачу уехала.

Я слегка растерялась, но потом спросила:

– Марченко тут живут?

– Точняк, – кивнул юноша. – Мы Марченко. Все: мама, я, Серега, и Нинка. Именно Марченко.

Я с неодобрением покосилась на бутылку пива. Скорей всего милый мальчик добавил туда водочки. Ну и ну, еще обед не наступил, а парнишка уже нагрузился.

– Полное право имею отдыхать в свободный день как хочу, – пошел в атаку Серега, – если мать вас не предупредила, что уезжает, и заказ не выполнила, то я совершенно ни при чем. Промежду прочим, день рождения у меня.

Я окончательно расстроилась. Неужели из милиции еще не сообщили родственникам о кончине Елизаветы? Ну и ситуация.

– Простите, а Маша с папой дома?

Сережа выпучил пьяноватые глазки:

– Кто?

– Девочка, маленькая, четырех лет. Маша Попова. Она сегодня из Праги приехала с отцом.

Глаза парня совсем вылезли из орбит. Он отступил на шаг.

– Кто?

– Дочь Елизаветы Семеновны Марченко, Маша. Мы с ней в одном купе ехали, – объяснила я, – очень симпатичная девочка, говорливая.

– Кто говорливая? – отчего-то шепотом спросил Серега.

– Маша Попова.

– Маша Попова?

– Да, – я стала потихонечку вскипать, – именно Маша и именно Попова! Дочь Елизаветы Семеновны Марченко!

– Чья дочь?

Ну надо же так наклюкаться! В полдень! Что же с Серегой станет к ужину?

– Елизаветы Семеновны Марченко!

– Маша?

– Да!!

– Лизка?!

– Да!!!

– Маша с Лизой???

– Абсолютно верно.

– Машке четыре года?

– Ну так она сама сказала.

– Сама?!

– Естественно! А что вас так удивляет? Дети к трем годам начинают вполне прилично изъясняться.

Серега уронил бутылку. Из горлышка выплеснулась на коврик светлая жидкость. В прихожей резко запахло пивом.

– Где же вы их встретили, а? – полным ужаса голосом воскликнул Сергей.

Я удивилась. Кажется, парень настолько испугался, что моментально протрезвел.

– В купе скорого поезда Прага – Москва. Я села в Вязьме, а они, похоже, ехали из столицы Чехии, впрочем, точно не скажу...

– Нина, – заорал Сергей, – сюда, скорей!

В коридор выскочила хорошенькая девушка, похожая на лисичку. Рыжие волосы, острый носик, уголки глаз слегка приподняты к вискам, на треугольном личике хитрое выражение.

– Что ты орешь! – сердито воскликнула она. – Немедленно бросай пить, совсем дурной становишься.

Но Серега, не слушая ее, стал тыкать в меня пальцем, бормоча:

– Она... Машку с Лизкой видела... в Праге... вот... рассказывает!

Нина нахмурилась, глянула на упавшую бутылку, помрачнела еще больше, затем поманила меня пальцем:

– Идите сюда.

Я обрадованно пошла за ней в глубь квартиры. Нина выглядела абсолютно трезвой и вполне здравомыслящей.

Приведя меня в небольшую комнату, она сказала:

– Уж извините, Серега второй день гуляет, день рождения справляет, никак не успокоится. Вы к маме?

Я набрала полные легкие воздуха и начала рассказ. Чем дольше я излагала историю, тем больше менялось лицо Нины. Когда я, вытащив часики, положила их на стол со словами: «Это все», – девушка лишь прошептала:

– О боже!

– Понимаю, – кивнула я, – мне очень неприятно быть вестницей несчастья. Ехала к вам абсолютно уверенная в том, что соответствующие органы уже сообщили родственникам о внезапной кончине Елизаветы Марченко. Ей-богу, поняв, что вы ничего не знаете, я испытала сильнейшее желание удрать, но ездить туда-сюда, имея на руках часы стоимостью в квартиру, просто побоялась. Еще раз извините, и до свиданья.

– Стойте, – прошептала Нина, – не уходите. Я должна позвонить маме, немедленно. Господи, этого не может быть! Маша! Как она выглядит?

– Ну... обычная девочка, но говорливая, а что, ее нету дома? – удивилась я.

Нина неожиданно закрыла лицо руками и глухо сказала:

– Ее давно нет, уже три года.

– Вы что имеете в виду? Она живет не в Москве?

Нина вскочила, бросилась к телефону, потом, не набрав номера, кинулась к книжным полкам, выхватила альбом, перелистала его и ткнула мне под нос одну страницу.

– Скажите скорей, это она?

– Кто? – тихо спросила я, разглядывая изображение лысого, толстого младенца, похожего на маленького китайца. Огромные щеки подпирали глаза, превратившиеся в щелочки. Ручки в перевязочках, ножки – сарделечки...

– Это она? – настойчиво требовала ответа Нина. – Машенька?

– Сколько ей тут? – поинтересовалась я.

– Восемь месяцев.

Ей-богу, в этой квартире живут странные люди. Один пьет с утра, другая, похоже, не вполне нормальна. Ну как я могу опознать ребенка? Сейчас Машенька милое, темноволосое, кудрявое существо с ясными, карими глазками.

– Может, у вас найдется более поздняя карточка? – робко спросила я.

Но Нина уже не слышала меня, она говорила по телефону.

– Давайте посмотрю другие снимки Маши, – еще раз предложила я, увидев, что Нина отсоединилась. – Дети очень быстро меняются.

– Сейчас приедет мама, – невпопад ответила Нина, – а фотографий нету.

– Совсем?

Нина кивнула.

– Маша пропала три года назад, а Лиза... Впрочем, давайте подождем. Маме с дачи меньше часа ехать.

ГЛАВА 6

Почти час мы с Ниной ждали хозяйку дома. Наконец та влетела в квартиру и с ходу устроила мне допрос. Потом, слегка успокоившись, сказала:

– Меня зовут Роза Михайловна, нам надо поговорить.

– Да, конечно, – кивнула я.

– Сначала вы меня послушайте, – нервно велела она, – а уж после остальное обсудим.

Честно говоря, я не понимала, что еще тут можно обсуждать, но не стала перечить разволновавшейся Розе Михайловне. А та начала обстоятельный рассказ.

Семья Марченко всегда жила очень хорошо и этим отличалась от многих московских семей. Отец был директором продуктового магазина. Ясное дело, что в советские времена материальное благополучие семейства казалось незыблемым, поэтому супруги Марченко позволили себе иметь несколько детей. У них росли девочки, Лиза и Нина, а напоследок появился мальчик, Сережа. Их мать, Роза Михайловна, могла не работать, но она не хотела становиться домашней хозяйкой. Роза Михайловна была портнихой от бога. Работала она раньше в простом ателье, но имела отнюдь не простых клиентов, а элитных. Кто только не бывал в примерочной кабинке у приветливой Розы. Певицы, балерины, дамы-профессорши и даже кое-кто из жен членов правительства. Последние, правда, обслуживались в спецателье, там трудились тщательно проверенные КГБ мастерицы. Имея безупречную анкету, они зачастую были заурядными портнихами, без фантазии. А Розочка работала с упоением и из простого ситца шила невероятные наряды, оттого к ней всегда змеилась очередь.

Детей воспитывала Розина мать, Сирена Львовна. Лиза, Нина и Сережа никогда не ощущали себя брошенными. Да и с какой стати? Дом полная чаша, дача в одном из лучших поселков. Бабушка водила их в школу и покрывала все шалости.

Потом Розин муж умер. Но на материальном положении семьи это не сказалось. Роза Михайловна еще в 86-м, на заре перестройки, подсуежилась и организовала один из первых, как тогда говорили, кооперативов.

Неожиданно для всех маленькая швейная мастерская, ютившаяся в подвальчике, стала приносить доход и через четыре года превратилась в дом моды. На Розу Михайловну теперь работали десятки людей: художники, модельеры, закройщицы, портные, манекенщицы, фотографы, визажисты... Обладая неумной энергией, деловой хваткой, обаянием и железным упорством, Роза Михайловна открыла еще парикмахерскую, салон красоты и магазин, в котором бойко торговала своими изделиями.

Империя Марченко выстояла в дефолт, и Роза даже сумела извлечь выгоду там, где остальные утонули. Воспользовавшись ценовой неразберихой и некоторым замешательством, дама в самый пик кризиса купила за копейки здание почти в центре столицы, и теперь ее клиентки могут полностью изменить свой внешний вид, просто передвигаясь с одного этажа на другой.

В общем, фортуна всюду улыбалась Розе. Но имейте в виду, она – капризная дама. Иногда ей начинает казаться, что вам слишком везет, и тогда она для соблюдения равновесия разыскивает мешок с несчастьями.

Неприятности посыпались на голову Розы, когда старшая дочь Лиза задумала выйти замуж. Уж как мать и бабка ни отговаривали девушку, та уперлась рогом и на все разумные замечания отвечала однозначно:

– Мне так хочется.

– Лизонька, – увещевала ее мать, – Петр – мальчик не нашего круга, он из провинции, без средств.

– Я так хочу.

– Поверь, деточка, – осторожно вступала в разговор бабушка, – он будет плохим мужем, уже сейчас грубит тебе.

– Мне так хочется.

– Отца нет, мать преподаватель, – перебивала ее Роза, – раскинь мозгами! Предприимчивый парень просто решил устроиться в Москве.

– Мне так хочется.

После недели бесплодных уговоров Роза Михайловна потеряла терпение и заорала:

– Через мой труп! Не бывать этой свадьбе! Никогда!

– Я беременна, – спокойно сообщила Лиза, – аборт делать поздно, пятый месяц идет.

Роза чуть не упала и принялась топтать ногами, вопя:

– Чушь! Немедленно в больницу! Сейчас же! Вызовем искусственные роды!

Порядок навела бабушка Сирена Львовна. Сначала она о чем-то пошепталась с Розой, а потом объявила:

– Будет свадьба!

Роза Михайловна сшила дочери платье, ловко прикрывающее уже начинающий выступать живот, и сняла ресторан. Она даже приобрела зятю костюм и туфли.

Праздник удался на славу. Пили, гуляли сутки. На пиру присутствовали только родичи со стороны невесты. Жених привел лишь одного друга, своего свидетеля.

– Что же твоя мама не соизволила приехать? – довольно зло поинтересовалась Роза у Пети.

Тот вполне дружелюбно ответил:

– Далеко ей, да и дорого.

– Ну ради такого случая, – вздохнула Роза, – я дала бы сватье деньжонок, коль в нищете беспросветной живете.

Петр зыркнул на тещу своими черными жуткими глазищами и отвернулся, а Роза продолжала возмущаться:

– Может, она нас неровней считает? Кто она по профессии?

– Русский язык преподает, – ответил зять, – у нас в городе есть институт экономики, вот она там кафедрой заведует.

– Понятно, – тряхнула огромными бриллиантовыми серьгами Роза, – слишком интеллигентная. Мы-то, простые портные, люди с иголкой, можем слово «корова» с двумя «а» написать. Зарабатываем, правда, больше многих, ну да это ерунда... Ты маме-то сообщил, что я ресторан на триста человек заказала?

Петя покачал головой:

– Не-а.

– Да ну? – спросила теща. – Чего же? Постеснялся? А то, что мы вам квартиру к свадьбе подарили, трехкомнатную?

– Нет, – буркнул свежееиспеченный зятек.

Роза ухмыльнулась:

– Ага. Ну ничего, приедет в гости, сама увидит. Ты, Петруша, не стесняйся. Если мамочке-профессорше денег на кефир послать хочешь, я дам, мне не жаль, еще заработаю. Мы же теперь родня.

В таком тоне Роза разговаривала с Петей при любой встрече. Лиза злилась, но поделаться ничего не могла. На просьбы дочери перестать унижать Петю Роза Михайловна всегда возражала:

– Кто его унижает? Я? Ты шутишь, детка! Наоборот, когда увидела, что у зятя брюки рваные, то предложила купить ему новые. Это он меня дырками на задку позорит!

– Мама, – пыталась урезонить Розу дочь, – ну он же студент! Откуда у него деньги?

– А твой студент подумал, как станет кормить жену и ребенка? – парировала Роза Михайловна. – На что он рассчитывал? На мои заработки? Хорош гусь! Себя одеть и прокормить не может, а семью завел. И мамочка его нос задирает. Ни разу не позвонила тебе. Во курва! Не приехать познакомиться с невесткой! Где такое видано!

И снова порядок навела Сирена Львовна. Нина, пытавшаяся подслушать, о чем бабушка толкует с матерью, уловила лишь одну фразу:

– Хватит дурить, Роза. Лизе просто повезло, что свекровь не проявляет к ней никакого интереса.

Роза на самом деле прикусила язык. Нина видела, что иногда маму душит откровенная злоба, но она огромным усилием воли сдерживала себя и даже, криво улыбаясь, говорила Пете при встрече:

– Здравствуй, дружок.

Рождение Машеньки прибавило проблем. На шею Розы взгромоздился еще и младенец. Кроватка, коляска, памперсы, бутылочки, детское питание, одежда... Это только кажется, что крохе ничего не нужно, на самом деле ребенок – дорогое удовольствие.

Зять стал еще больше раздражать тещу. Петя вовсе не собирался работать, приходил из института и усаживался за компьютер. Конечно, у Лизы имелась вся бытовая техника: стиральная и посудомоечная машины, да еще Сирена Львовна, уже пожилая, но не потерявшая бойкости, прибегала к правнучке каждый день. Старуха готовила, гуляла с младенцем, помогала убрать квартиру. Роза злилась и шипела:

– Мама, я вполне способна нанять им домработницу.

– Ни в коем случае, – отмахивалась Сирена Львовна, – никаких посторонних баб в доме! У нас младенец.

Но когда Машеньке исполнилось два месяца, прабабку скрутил артрит. Роза моментально наняла Лизе прислугу. Сначала в дом пришла пятидесятилетняя Иветта, но вскоре Лиза сказала:

– Мамуся, я ее выгнала.

– Почему? – удивилась та. – У Иветты блестящие рекомендации.

– Оно верно, – кивнула Лиза, – только она мной командует, словно не я тут хозяйка. Наняла другую.

– Кого? – насторожилась Роза.

– Свою однокурсницу, Марину Райскую, ей деньги нужны.

– С ума сошла! – всплеснула руками Роза Михайловна. – Взяла вместо нормальной прислуги свиристелку.

– С ней веселей.

– Так пусть в гости приходит. Домашнюю работницу берут для мытья полов.

– Мне так хочется, – выдвинула свой краткий аргумент Лиза.

– Иметь в доме молоденькую девушку опасно, – предостерегла мать, – у тебя муж, а мужчины падки на новое тело.

– Фу, замолчи, – велела Лиза, – глупости говоришь!

– Ты еще дурочка, – продолжала учить неразумное чадо Роза, – не знаешь, какие вещи порой случаются. Вот послушай. У меня была подружка, Оля Симонова...

– Не знаю такую, – перебила ее Лиза.

– Так мы с ней расстались еще до твоего рождения, – вздохнула Роза, – а дружили крепко, в одну школу ходили, дня друг без друга прожить не могли...

– Почему разбежались? – заинтересовалась Лизавета.

– Я один раз в неурочное время домой заявила, – грустно пояснила Роза, – ну и нашла Олю с твоим папой... так сказать... хм... в общем, понимаешь? Лучшая подруга! С тех пор сколько лет прошло, а мы до сих пор не здороваемся.

– Ты папе простила! – возмутилась Лиза.

Роза кивнула:

– Конечно, куда деваться было.

– Это только в старые времена случалось, – по-детски запальчиво воскликнула Лиза, – теперь люди другими стали! Маринке такое и в голову не придет, Петя меня любит. Вечно тебе, мама, глупости мерещатся. Мне бабушка десять лет подряд перед выходом в школу бубнила: «м ди через проспект аккуратно, машина сбить может». И что, все в порядке? Так и с подружкой!

Глядя на раскрасневшуюся дочку, мать промолчала, хотя считала, что люди остаются одинаковыми на протяжении веков, и мужья охотно изменяют женам, и пешеходы погибают под колесами раньше карет, теперь автомобилей... Но с Лизой бесполезно спорить, она избалована, живет в достатке и решила, что весь мир крутится вокруг нее.

Марина Райская стала убирать квартиру Лизы, и чем больше Роза Михайловна сталкивалась с девушкой, тем сильнее она ей не нравилась: хитрая, себе на уме, со лживо-приветливой улыбочкой на тонких змеиных губах.

Но спустя пару месяцев Роза почти успокоилась. Она специально, зная, что Лизы нету дома, под благовидным предлогом в самое неожиданное время являлась к дочери в квартиру. То фруктов принесет Машеньке, то игрушку... Однако ничего подозрительного зоркий глаз матери не замечал. Как правило, Марина оказывалась одна, укладывала Машу спать или гладила. Пару раз Роза натыкалась на Петю, но зять сидел в кабинете, у компьютера, а домработница, полностью одетая, спокойно чистила картошку на кухне. При этом учтите, что у Розы Михайловны имелись ключи от апартаментов Лизы. Она очень осторожно открывала замок и на цыпочках, чтобы не спугнуть предполагаемых любовников, кралась по коридору, но ничего криминального не происходило.

Роза Михайловна решила, что зять импотент, и потеряла бдительность. У нее настало трудное время. Сирена Львовна лежала в больнице, вторая дочь, Нина, поступала в институт, а Сережа внезапно связался с плохой компанией, начал курить... В общем, Розе Михайловне временно стало не до Лизы, и она перестала проявлять к семье старшей дочери нездоровый интерес.

Беда, как всегда, подкралась внезапно. Нине предстояло сдавать последний экзамен, и Роза Михайловна почти до утра не могла сомкнуть глаз. Ее грызла тревога. Ниночка пока набрала лишь девять баллов, вступительных экзаменов было всего три, дочери необходимо завтра получить пятерку, иначе она окажется за бортом института. Сами понимаете, в каком настроении пребывала мать, тем более что сдавать следовало немецкий, которым Нина владела не слишком хорошо.

За бессонной ночью последовало тревожное утро, но около часа дня позвонила радостная Ниночка и затараторила:

– Мамочка, я ответила на «отлично». Прикинь, мне попался единственный билет, который выучила просто назубок. Ну повезло!

Роза перекрестилась и пошла на кухню пить чай. У нее неожиданно разыгрался аппетит. Не успела она открыть холодильник, как снова зазвонил телефон, это была Лиза. Думая, что старшая сестра хочет узнать про успехи младшей, Роза радостно воскликнула:

– У нас «отлично»! Нина поступила в институт!

Но Лиза словно не слышала радостной вести.

– Мама, приезжай ко мне.

– Что случилось? – насторожилась Роза, но дочь уже отсоединилась.

В душе матери вновь поселилась тревога, завтракать ей расхотелось, и, схватив сумочку, она ринулась на зов.

В квартире Лизы царил беспорядок. По полу мотались клубки тополиного пуха, повсюду были разбросаны вещи, а на кухне гора грязной посуды подпирала потолок. Среди этого разгрома сидела одетая в мятый халат Лиза.

Роза нахмурилась, обежала все комнаты, собрала пепельницы, набитые окурками, и сурово заявила дочери:

– Это безобразие! О чем думает твоя прислуга!

– Марины нет, – прошелестела Лиза.

– Ну и нечего было ее отпускать, – обозлилась Роза, – предупреждала же тебя: не нанимай близкую знакомую. С домработницей нельзя дружить, иначе очень трудно замечания делать! Ладно, а где Петр?

– Пети нет, – прошептала Лиза.

– Где он?

– Уехал.

– Куда?

– Вроде к матери, – ответила Лиза и захлопала носом.

– Эка беда, – хлопнула себя по бедрам Роза, – муженек на пару дней укатил, радоваться надо, а не слезы лить. Хоть отдохнешь от него.

Лиза молча протянула ей листок. Роза Михайловна взяла его и стала читать ровные, аккуратно выведенные строки:

«Лиза, людям свойственно ошибаться, я не исключение, поэтому и женился на тебе. Не скрою, любил тебя безоглядно и просто закрыл глаза на множество твоих недостатков. Я очень хорошо понимал, что ты капризна, ленива и совершенно не приспособлена для роли матери семейства. Согласись, хозяйка должна уметь готовить, стирать, убирать. Впрочем, я искренне надеялся воспитать тебя. Наша жизнь могла сложиться по-другому, не вмешивайся в нее столь активно Роза Михайловна. Я пытался внушить тебе одно, а мать другое. Если делал справедливый упрек о твоих чрезмерных тратах, теща кричала: «Моя дочь расходует свои деньги, ты пока ничего не заработал!» Это правда, я приносил копейки, но многие семьи проходят этап нищеты и благополучно преодолевают испытания. Ты же не хотела ни трудиться, ни заботиться о семье. В конечном итоге ни я, ни Маша тебе не нужны. Девочку воспитывала сначала Сирена Львовна, а потом няня. Ты предпочитала, будучи замужней женщиной, вести жизнь свободной девушки. Прости, мне такая семья не нужна. Долгое время я просто собирался уйти, меня останавливала лишь мысль о дочери. Пойми, я очень люблю Машу и не хочу, чтобы она росла без отца, только это соображение удерживало меня в чужой квартире, около женщины, тоже ставшей чужой. Но потом у нас появилась Марина, и я понял: вот человек, с которым я хочу прожить всю жизнь. У Марины есть все, чем никогда не обладала ты: трудолюбие, жалостливость, ответственность, аккуратность, скромность. Короче: мы полюбили друг друга и уезжаем вместе, навсегда. Машу я забираю. Тебе девочка всегда связывала руки, Марина ей больше мать, чем ты. Не надо искать нас, все равно не найдешь. Хочу предостеречь тебя от похода в милицию. Имей в виду, если обратишься в органы, я просто убью девочку. Ей будет лучше в могиле, чем с тобой. Ты свободна и вольна делать что угодно. Прими напоследок совет: подумай над этим письмом и сделай правильные выводы. Вполне вероятно, что ты снова решишь выйти замуж, не разрешай хозяйничать в своей новой семье Розе Михайловне. Она разрушит и этот брак. Мне не нужно ничего: квартира, машина, вещи, включая подаренные доброй тещей костюмы, остаются тебе. Петр».

ГЛАВА 7

Отшвырнув листок, Роза Михайловна ринулась в кабинет, а потом в спальню. Зять не соврал. На тумбочке лежали толстое обручальное кольцо и часы, преподнесенные Петру на день рождения тещей. В шкафу осталась его одежда и обувь. Петя ушел из богатого дома в чем пришел: в джинсах и рубашке. Он на самом деле ничего не прихватил с собой: ни дорогого кожаного портфеля, ни плаща из лайки... Не взял даже мелочей, вообще ничего. Увез лишь Машу.

В детской, на кровати сиротливо сидел розовый зайчик. Роза Михайловна принялась лихорадочно оглядывать комнату. Ей сразу стало понятно: беглецы забрали лишь самое необходимое, большая часть приданого Машеньки лежала на полках.

Совершенно очумев, Роза полетела в спальню, схватила шкатулку с драгоценностями Лизы и принялась их пересчитывать. Вы не поверите, но все кольца, цепочки, браслеты, кулоны были на месте. Не пропало ничего: ни перстень с уникальным трехкаратным черным бриллиантом, ни раритетное ожерелье из розовых жемчужин...

Роза Михайловна лишь укоризненно покачала головой. Нет, не зря зять казался ей абсолютно непрактичным мальчишкой. Ушел и ничего не взял, ну и дурак! Кстати, очень хорошо, что этот брак лопнул, Лиза сейчас, конечно, расстроена, но скоро она утешится, и Роза Михайловна больше не пустит дело на самотек, сама найдет ей нового жениха.

Вернувшись на кухню, Роза обнаружила дочь в той же позе, у стола, возле пепельницы.

– Поехали домой, – велела мать.

– Я дома, – тихо ответила Лиза.

– Не дури, иди одевайся.

– Мама, он увез Машу! Я никогда ее больше не увижу!

Надо сказать, что Роза Михайловна, став бабушкой, изо всех сил пыталась полюбить внучку. Но девочка не вызвала у нее особо теплых чувств. Во-первых, именно из-за беременности Лиза вышла замуж, во-вторых, Маша уродилась до противности похожей на Петю: черноглазой и смугленькой. В ней не было ничего от светлокожей, голубоглазой Лизы, а когда на голове девочки стали отрастать первые волосы, стало понятно, что она вся удалась в породу Поповых, от Марченко ребенку не досталось ни одного гена. Внучка казалась Розе Михайловне кукушонком. Уродись Машенька светленькой, в Лизу, бабушка, наверное, испытывала хотя бы умиление при виде пухлого младенца.

Роза Михайловна, очень хорошо понимая, что полюбить Машу ей трудно, изо всех сил старалась изображать нежность и заботу. Она заваливала девочку дорогими подарками, покупала ей за бешеные деньги эксклюзивные, украшенные ручной вышивкой платица, пытаясь таким образом успокоить изредка просыпающуюся совесть. Окружающие считали, что Роза Марченко просто обожает внучку, и порой подшучивали над ней, приговаривая:

– Может, пригонишь для Маши «Роллс-Ройс»? А то ей как-то не слишком комфортно на «Мерседесе» в поликлинику ездить.

Лишь Сирена Львовна угадала правду. Увидев один раз, как дочь собирается отвезти Маше гигантскую куклу, совершенно не подходящую по размерам для младенца, старуха тихо сказала:

– Розочка, ты ни в чем не виновата. Эта девочка целиком Попова. Но, может, тебе станет легче, если вспомнишь, что мой отец, Лев Кацман, был черноглаз и черноволос. Лично мне приятней думать, что Машеньке достались гены Кацманов, а не Поповых. Кстати, она морщит нос, как мой отец, и улыбается, как моя мама, Сара Израилевна.

Роза горестно вздохнула:

– Мамуля, я же не застала их в живых.

Сирена Львовна кивнула. Роза и впрямь никогда не видела деда с бабкой.

Теперь понимаете, почему Роза Михайловна, узнав о том, что зять, сбежавший вместе с любовницей, прихватил с собой и дочку, совершенно не расстроилась? Наоборот, она в глубине души даже испытывала радость. Маша могла помешать Лизе устроить новый брак. Не всякий мужчина согласится на брак с женщиной, обремененной ребенком. Все, что ни делается, – все к лучшему.

Но дочери Роза Михайловна, естественно, сказала иное:

– Не расстраивайся, милая, через три дня, ну максимум спустя неделю Маша вернется.

– Ты полагаешь? – всхлипнула Лиза.

– Конечно, девочка быстро надоеет этой суке Марине, ей не захочется возиться с чужим ребенком.

– Но она же взяла Машу...

– Только для того, чтобы понравиться Пете, не волнуйся, давай подождем спокойно.

– Надо идти в милицию!

– Не стоит пока нервничать, – пела Роза Михайловна, больше всего желавшая навсегда избавиться от внучки и зятя. – Девочке худо не сделают, она же с родным отцом.

– Да, – кивнула Лиза, – Петька ее больше жизни любит.

– Вот видишь, – подхватила мать, – все завершится благополучно. Завтра получишь девочку.

Но и завтра о Маше не было ни слуху ни духу. Впрочем, Роза Михайловна только радовалась. Похоже, Петр вместе со своим отпрыском исчез из семьи Марченко навсегда. Лиза тоже неожиданно успокоилась. Слезами она больше не заливалась, и к вечеру следующего дня после описанных событий Роза практически успокоилась. Что ж, выходит, она оценила ситуацию правильно, у дочери не особо развита материнская любовь. Да и откуда бы взяться сему чувству? Первое время за Машей ухаживала Сирена Львовна, потом Иветта, затем Марина. Лиза занималась ребенком лишь вечером, да и то недолго.

Вновь Роза потеряла бдительность, занялась Ниной, которая собралась поехать на юг в неподходящей компании.

Через два дня Роза, проводив Нину вместе со своей подругой и ее дочерью в Турцию, вернулась домой и услышала назойливую трель телефона.

– Да! – весело воскликнула она, хватая трубку.

– Роза Михайловна Марченко?

– Я.

– Елизавета Семеновна Марченко кем вам приходится?

– Дочерью.

– Приезжайте по адресу ее местожительства.

– Да что произошло?

– Там объяснят, – сказал мужчина и быстро отсоединился.

Поняв, что случилась беда, Роза Михайловна кинулась к дочери и узнала страшную новость: Лиза покончила с собой, выбросилась с десятого этажа, с балкона своей спальни. На столе она оставила записку.

Не дай бог вам пережить то, что испытала Роза Михайловна, прочитав послание. Значит, она и впрямь не разобралась в душевном состоянии старшей дочери. Думала, что та спокойно пережила утрату, а на самом-то деле вышло что! Стараясь хоть как-то заглушить боль, Роза развила бешеную активность. Она устроила пышные похороны, купила самый дорогой гроб.

С тех пор прошло три года. Роза Михайловна не сумела отыскать Петра и девочку.

...Когда она замолчала, мне показалось, что в комнате не хватает воздуха, и я шумно вздохнула. Внезапно Роза схватила меня совершенно ледяными пальцами. Я вздрогнула.

– Вы кто по специальности? – воскликнула Роза.

Я заколебалась. Сказать правду? Назваться писательницей? Честно говоря, не очень люблю это делать. Как-то стесняюсь произносить фразу: «Я пишу книги».

По-моему, говорить подобные слова нескромно, и вообще, писатели – это Лев Толстой, Федор Достоевский, Иван Тургенев, в конце концов. Я же просто дворняжка от литературы, не слишком известный автор, пытающийся заработать себе на кусочек хлеба с маслом и сыром. Книг моих Роза Михайловна скорее всего не читала...

– Я частный детектив.

Роза изменилась в лице.

– Господи, на ловца и зверь бежит! Похоже, ваш бизнес не слишком удачен.

– Ну... так.

– Извините, но вы не выглядите преуспевающей.

– Мне на жизнь хватает.

– Небось маетесь в коммуналке, – предположила Роза.

– Нет, в отдельной квартире.

– Дом новый, кирпичный? – продолжила она допрос.

Слегка удивившись столь странному любопытству, я ответила:

– Нет, блочный.

– Ясно, – мигом сделала неправильный вывод хозяйка, – «хрущоба»! Потолок на голове, кухня меньше кофейной чашки, в санузле даже тараканам тесно...

– Но...

– Вот что, – не дала мне договорить Роза, – слушайте. Я имею роскошную трехкомнатную квартиру в тихом центре. Там давно никто не живет, она совершенно свободна. Продать ее не могу по личным соображениям, моральным, не юридическим. Пользоваться тоже не хочу, пустить жильцов считаю невозможным. Мебель, посуда, занавески, бытовая техника... Не дом, а полная чаша. Хотите, подарю вам квартиру?

– Мне?! За что? Вернее, с какой стати! Я совершенно не нуждаюсь в подобных «сувенирах».

– Я неправильно выразилась. Вы получите хоромы в качестве гонорара за работу.

– Какую?

– Нанимаю вас для поисков Маши и Пети. Девочка в Москве, вы видели ее.

Я страшно разозлилась на себя. Ну с какой стати назвалась сыщицей? Сказала бы, что работаю учительницей, и не попала бы в идиотское положение!

– Только не говорите, что клиенты к вам в очередь стоят, – предостерегла меня Роза, – сто против одного, что сидите без работы.

– Но с чего вы взяли, что та девочка ваша Маша?

– Мария Попова, дочь Елизаветы Семеновны Марченко? – воскликнула Роза Михайловна. – Ясное дело, это она. Ну-ка, опишите еще раз ребенка.

– Ну... темно-каштановые волосы, большие карие, почти черные глаза, смуглая кожа... красивая девочка. Да, еще у нее родинка на внутренней стороне бедра причудливой формы. До сих пор я думала, что отметины бывают лишь круглыми, а...

– Это она, – прервала меня Роза Михайловна, – сомнений никаких. Маша! Она в Москве! Найдите мне внучку! Единственную память о Лизочке!

Я с сомнением покосилась на хозяйку. Сдается мне, что внучка совершенно не нужна Розе, ей хочется отыскать Машу, а через нее выйти на Петю. Госпожа Марченко горит желанием отомстить ненавистному зятю. Узнав, где проживает Маша, она выкрадет ее, чтобы причинить отцу боль. Мне не следует принимать участие в подобной забаве.

– Убитая в купе женщина скорей всего Марина Райская, – продолжала Роза, – вот уж кого не жаль! Получила по заслугам. Из-за нее Лизочка покончила с собой. Нет, не зря говорят: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь!»

– Пойдите, – невольно воскликнула я, – но каким же образом на руках у Марины оказался паспорт Лизы?

– Она его украла, – пояснила Роза, – когда уводила Петра. Я вещи посмотрела и успокоилась, в документы не полезла. Да кому они нужны! Ну а потом для похорон потребовался Лизин паспорт. Я все перерыла, перетрясла и не нашла ничего: ни аттестата, ни зачетки, ни водительских прав, ни свидетельства о браке и рождении Маши. Все эти бумаги стащила мерзавка Райская.

– Да зачем они ей!

Роза возмутилась:

– Неужто не понятно? По-моему, яснее ясного. Петр и Марина явно уехали из Москвы. Райская, наверное, везде предъявляла документы Лизочки. Кое у кого при виде неженатой пары с ребенком могли возникнуть ненужные вопросы. А так все в полном порядке. Семейные люди с младенцем. Она предусмотрительная дрянь, негодяйка, сволочь, мерзавка... Жила себе припеваючи под именем Лизочки, а моя дочь давно на том свете.

Я внимательно смотрела на разбушевавшуюся Розу Михайловну. Что-то в этой ситуации кажется мне странным, но что?

ГЛАВА 8

Я не успела толком понять, что же меня насторожило, как раздалась трель моего мобильного. Извинившись, я поднесла трубку к уху.

– Виола Ленинидовна? – раздался интеллигентно-вежливый голос моего редактора, Олеси Константиновны.

Я тихо хихикнула:

– Здравствуйте.

– Жду вас.

– Да? Уже?

– Конечно. Срок сдачи рукописи истек еще в пятницу.

– Правда?

– Абсолютно точно, передо мной лежит план.

– Э... понимаете, я никак не могу прийти!

– Вы не дописали книгу?!

«Не дописали»! Я ее просто не написала. На столе тоскует пара исписанных страниц, м, если честно, в моей голове вообще нет никаких мыслей о криминальном романе. Дело в том, что я не умею ничего придумывать, господь обделил меня фантазией. Если в школе, на уроке русского языка требовалось написать сочинение на отвлеченную тему, ну что-то вроде «Какой станет жизнь на земле в будущем», я всегда пасовала. Зато великолепно описываю произошедшие в действительности события. Рассказ о том, как я провела летние или зимние каникулы, всегда получался великолепным, откуда ни возмись появлялись самые нужные слова и меткие выражения, яркие метафоры, в общем, пятерка зарабатывалась легко. То же самое происходит и с писательницей Виоловой. Несколько относительно неплохих детективов я сумела накропать лишь потому, что лично вляпалась в приключения. Сейчас же ничего экстраординарного со мной не произошло, и откуда взяться рукописи?

Только Олесе Константиновне правду говорить нельзя. Издательство выплатило мне аванс, денежки госпожа Тараканова все потратила, теперь, естественно, обязана представить результат своего вдохновения. И что прикажете делать?

Не успев толком поразмыслить над не слишком приятной ситуацией, я ляпнула:

– Не могу сейчас ничего отдать.

– Почему? – посуровела Олеся Константиновна. – Смею напомнить, что под договором стоит ваша подпись.

– Конечно, я подписала бумагу и не оспариваю этого. Но... э... сейчас я нахожусь за границей, на отдыхе. И никак не могу вернуться в Москву.

– Да? А к телефону подошли?

– Это же мобильный, а он у меня с роумингом, – выкрутилась я.

– Ясно, – протянула без всякого энтузиазма редактор, – и когда отдадите?

– Когда отдам...

Вообще-то я пишу очень быстро, если знаю о чем. Сажусь к столу, и за неделю книга готова. Я не отрываюсь на еду и сон. Олег называет меня «запойным писателем», это очень верное замечание. Несколько раз Куприн пытался объяснить мне:

– Ты неправильно организовываешь процесс труда. В твоей рукописи примерно триста пятьдесят страниц. Если станешь каждый день методично писать по десять, то никогда не опоздаешь со сдачей книги. Составь план – и вперед.

Но я так не умею.

– Виола Ленинидовна, – поторопила меня Олеся Константиновна, – отвечайте скорей, у вас же роуминг, счет придет немереный, когда отдадите книгу?

– Когда отдам... э... ну... через пару недель!

Повисло недовольное молчание. Я совсем перепугалась. Кажется, мне удалось довести каменно-спокойную редакторшу до белого каления.

Впрочем, Олеся Константиновна сумела взять себя в руки.

– Хорошо, – бесцветным голосом отозвалась она, – но это крайний срок. Или через четырнадцать дней, или... Издательство «Марко» заинтересовано в пишущих авторах. Уж извините, Виола Ленинидовна, но ваша популярность пока не слишком велика. Надеюсь, вы понимаете, о чем я толкую?

Забыв, что Олеся Константиновна меня не видит, я кивнула. Еще бы, конечно, понимаю. Если я нарушу и этот срок, меня пнут коленкой в главный рабочий орган писателя. Пожалуйста, не подумайте, что я имею в виду голову. Место, без которого прозаик невозможно творить, находится на противоположном от нее конце туловища. Я окажусь со своей нетленкой на улице и из набирающей обороты популярной писательницы превращусь в графоманку, пытающуюся пристроить свой труд в разные фирмы.

– Абсолютно точно отдам, – заверещала я, испытывая настоящий ужас, – Олеся Константиновна, милочка, поверьте! Не сомневайтесь, я вас не обманываю. Через пару недель, минута в минуту.

– У вас роуминг, Виола Ленинидовна, – ехидно напомнила Олеся Константиновна, – хорошо, жду рукопись в оговоренный срок.

Из трубки понеслись раздраженно-быстрые гудки. Я удрученно запихнула мобильник в сумочку. Редактор ни на секунду не поверила в байку про границу. Совершенно не умею врать, меня моментально раскусывают!

– Вот что, – бесцеремонно дернула меня за рукав Роза Михайловна, – выбирай сама: или квартира, или оплата твоего долга.

Я вынырнула из пучины мрачных мыслей и с удивлением спросила:

– Вы о чем?

– Ладно тебе выжучиваться, – хмыкнула госпожа Марченко, – все же ясно. Взяла нехилую сумму в долг, а теперь отдать не можешь.

Тут до меня дошло, что Роза Михайловна слышала лишь мои ответы на вопросы Олеси Константиновны. Постороннему человеку, не знающему, что речь идет о сдаче рукописи, вполне могло показаться, будто кто-то пытается стребовать с должника рубли. Впрочем, я и впрямь должница, только обязана отдать не купюры, а рукопись.

– Найдешь девочку – погашу твой долг, – повторила Роза, – давай, принимайся за дело.

– Может, вам лучше в милицию обратиться?

– Ну уж нет, – отрезала она, – толку не будет. Так как, ты согласна?

– Но почему я? В Москве есть крупные детективные агентства!

– Только ты видела девочку, знаешь, как она выглядит, у меня ведь нет ни одной подходящей фотографии Маши. Последняя была сделана, когда ей восемь месяцев исполнилось...

Внезапно в моей голове вспыхнул огонек. Измена мужа, предательство любимой подруги, пропажа дочери... из этого материала может получиться великолепный детективный роман! А что! Это выход! Вот она, моя книга. Кстати, найти Машу легче простого. Очевидно, Роза Михайловна права. Марина Райская жила по паспорту Лизы Марченко. Девочку Марина везла бабушке, она сама об этом сказала. Маша еще спросила: «А моя бабушка хорошая?» Скорей всего она разошлась с Петей, потому что в Москву ее сопровождал мужчина, которого Маша назвала дядей Ромой. Девочку он взял ночью в свое купе. Вопрос: куда он ее потом дел? Ответ прост, отвез матери Пети Попова. Розе Михайловне-то Машу не доставили. Следовательно, Марина везла девочку не к ней, а к другой бабушке, и Роман просто доставил малышку по нужному адресу. В общем, все довольно логично.

– У вас есть адрес бывшей свекрови Лизы? – спросила я.

Роза Михайловна потянулась к записной книжке.

– Да, но я никогда не ездила к ней в гости и не знаю, правильны ли сведения.

– Давайте что имеете.

– Значит, беретесь за дело?

– Естественно. Говорите адрес.

– Никологорск, улица Победы, восемнадцать, – продиктовала Роза.

– А квартира?

– Нету, наверное, это частный дом, – предположила Марченко, – звать сию особу Раиса Николаевна Попова. Больше ничего не знаю, ни возраста, ни профессии.

– Но, насколько я помню ваш рассказ, Петр говорил, будто его мать преподаватель, кандидат наук.

Роза Михайловна презрительно скривилась:

– Сказать можно что угодно, вот я назовусь дочерью вождя племени мумбо-юмбо, вы поверите и станете мне поклоняться.

Я молча записала адрес. В целом не слишком приятная Роза Михайловна права. Про себя можно наболтать что угодно, люди склонны верить сказанному. Но вот с дочерью старейшины племени мумбо-юмбо милейшая дама переборщила, тогда она обязана быть иссинь-черной негритянкой с курчавыми волосами-пружинами и бусами из ракушек на стройной шее. Врать все же следует с умом. Ну, предположим, Петя слегка приукрасил действительность. Допустим, его матушка просто преподает в школе, она не имеет ученой степени и не заведует кафедрой в институте. Что ж, вполне человеческое желание повысить свой статус.

Выйдя от Марченко, я влилась в толпу и пошла к метро. Каждое утро трачу по полчаса, раздумывая над простым вопросом, который вместе со мной задают себе тысячи москвичей. Нет, это не сакраментальные «Что делать?» и «Кто виноват?». Меня волнует более животрепещущая проблема: «Брать или не брать свою машину?» Почти как «быть или не быть». Если все же приму решение сесть за руль, то гарантированно попаду в многокилометровую пробку, везде опоздаю и задохнусь от бензинового смога, висящего над шоссе. Коли соберусь отправиться в метро, то снова задохнусь, потому как в подземке просто нечем дышать, меня затолкают потные соотечественники, а свободное место окажется лишь возле отчаянно воняющего бомжа. Так «брать или не брать»?

Сегодня я решила «не брать» и сейчас горько сожалела об этом. Стояла удушающая жара, путь до метро лежал по самому солнцепеку. Одурев от духоты, я совершила еще одну, почти роковую ошибку – вскочила в автобус и тут же поняла, что сейчас потеряю сознание. Железный ящик на колесах походил на душегубку. В салоне одуряюще пахло бензином. Я плюхнулась на сиденье и удивилась. Кругом полно народа – и есть свободное место. Может, его никто не заметил? Но, проехав полминуты, я поняла, в чем дело. Прямо под сиденьем вовсю работала печка. Мои ноги под джинсами сразу стали мокрыми, футболка прилипла к спине, по лицу потек пот. Наверное, я сейчас замечательно выгляжу: тушь с ресниц размазалась по щекам, помада с губ переместилась на подбородок.

В метро оказалось еще жарче, да еще около меня, шумно дыша, встала очень полная тетка в обтягивающем платье. Толстухе было явно хуже, чем мне. Красная, с измученным лицом, она держала в одной руке туго набитую сумку, второй уцепилась за поручень. Про такую вещь, как дезодорант, дама, очевидно, никогда не слышала, и я отвернулась в сторону, стараясь не дышать глубоко. Вот грязнуля! Да в любом ларьке полно всяких средств от пота. Впрочем, вдруг у нее нет денег?

Пытаясь оправдать давно не мывшуюся особу, я слегка подвинулась и очутилась возле молодого парня. Слава богу, от него пахло одеколоном. Но уже через пару секунд снова переместилась к тетке. Юноша, совершенно не подумав, вылил на себя целую бочку парфюма.

Весь длинный перегон от «Динамо» до «Аэропорта» я топталась между двумя вонючими пассажирами, в носу смешались разные запахи, к горлу подкатывала тошнота, перед глазами прыгали точки. На «Соколе» толпа поредела, я шлепнулась на сиденье. Вот и думай теперь, что лучше: обливаться духами или ходить потной? Во всяком случае, ясно одно: ни в какой Никологорск я сейчас не поеду. Побегу домой и нырну под душ.

Открыв дверь, я вползла в темный, прохладный коридор и с наслаждением вдохнула ароматы любимой квартиры. Пахло просто замечательно: свежемолотым кофе и еще чем-то родным, своим, привычным.

Послышалось уверенное топанье, и в прихожую выскочил Никитка, прижимающий к груди ярко-красную машину.

– Вика, матри, папа «БМВ» купив, – сообщил он.

Никитос поздно начал говорить и пока не слишком четко выговаривает слова, но я его великолепно понимаю.

– Отличная машина, – одобрила я.

Для меня остается загадкой, каким образом малыш ловко различает марки автомобилей. На прогулке он тычет пальчиком во все, что имеет четыре колеса, и сообщает:

– «Мерседес», «Лада», «Газель», джип.

Он никогда не ошибается. Не так давно мы пошли с ним в магазин, за мороженым. По своей привычке Никитка выставил пальчик в сторону лаково-блестящей иномарки, припаркованной у тротуара, и сообщил:

– «Ауди».

Я пригляделась. Честно говоря, плохо разбираюсь в марках машин, но «Ауди» отличаю от остальных, потому что она имеет характерный знак: блестящие кольца. Мне стало интересно, каким образом Никитос определяет, какая тачка перед ним, и я нарочно сказала:

– Ты ошибся. Это «Мерседес».

– «Ауди», – повторил Никита.

– Почему ты так решил?

– Там крышечки, – сообщил он.

Вот тут я пришла в окончательное изумление:

– Крышечки? Какие?

– Как на баночке, – пояснил Никитос.

– Ты хочешь сказать, что «Ауди» имеет крышки, как твои банки с едой?

– Да, – кивнул мальчик.

– Где они?

Никитка выдернул из моих пальцев свою маленькую липкую ладошку, подбежал к иномарке и, указывая на фирменный знак, никелированные кольца, объяснил:

– Вика, матри, «Ауди», крышечки.

Я засмеялась.

– Это кольца.

Малыш захлопал глазами. Пришлось снять с безымянного пальца символ супружества и объяснять:

– Вот кольцо, туда можно продеть пальчик, оно внутри пустое. В крышечку ничего не пролезет, она плоская, понял?

Никитка несколько раз надел и снял мое колечко, потом снова подбежал к «Ауди» и заявил:

– Крышечки! Пальчик не входит.

Я тяжело вздохнула. Да уж, объяснила ребенку суть. Он все великолепно понял: раз не хочет нанизываться, это крышка.

ГЛАВА 9

– Котлетку хочешь? – крикнула из кухни Томочка. – Эй, Вилка, иди сюда, я только пожарила.

– Душно очень, может, вечером, попозже, когда Олег придет, – ответила я, входя на кухню.

Внезапно Тома резко покраснела, а на глазах подруги выступили слезы. Я испугалась, подскочила к ней,хватила лопаточку и сердито сказала:

– Дохозяйствовалась. Хватит. Никому ничего мясного при такой жаре не хочется. Иди полежи, а я пока всех покормлю и за Никитосом пригляжу.

– Это ты сядь, – неожиданно серьезно ответила она, – и выслушай меня.

Я молча села и уставилась на Тома.

– Целую неделю мучаюсь, – выпалила та, – все не знала, следует ли тебе говорить. Извелась просто!

Вот тут я перепугалась окончательно. Тамара святой человек, очень откровенный и по-детски непосредственный. Скрытничать у нее не получается. Мы живем вместе много лет и давно стали роднее сестер. Между нами никогда не существовало особых тайн, а теперь их и вовсе нет. По сути, мы одна большая семья, естественно, изредка случаются недопонимания, конфликты, но всегда находится разумный человек, который остужает чрезмерно горячие головы домочадцев, и это, как правило, Тома. Что же такое она могла утаивать от меня семь дней?

Напрашивался лишь один ответ. Тамара серьезно заболела. Сначала она по привычке решила не обременять нас сообщением о недуге, но вот...

– Ни о чем не волнуйся. Немедленно отправим тебя в лучшую клинику: Германия, Израиль, США. Сейчас все лечат, абсолютно. Деньги найдем, о Никитосе и Кристе не волнуйся. Сеня отправится с тобой!

– Вилка, – перебила меня Тома, – я совершенно здорова. Речь идет о тебе.

– Обо мне?

– Да.

– В чем дело?

– Скажи, ты любишь Олега?

– Конечно. Зачем жить с тем, кто не вызывает положительных эмоций?

– Всякое случается, – протянула она и принялась кашлять.

– Хватит, – велела я, – немедленно рассказывай, в чем дело!

Подруга снова покраснела и все выложила.

В прошлую пятницу в нашей квартире зазвонил телефон. Тома сняла трубку и услышала женский голос:

– Виола, ваш муж завел любовницу, Лесю Комарову.

Информаторша с легким злорадством сообщила место работы, возраст разлучницы, описала ее вид и добавила: «Если приедете к пяти вечера к конторе мужа и подождете пару минут, поймете все».

Тамара призадумалась. С одной стороны, она была рада, что трубку сняла не я, с другой – посчитала гадкое сообщение глупостью, однако все же насторожилась.

Волей-неволей она стала присматриваться к Куприну и заметила несколько странностей. Олег, раньше швырявший рубашки где попало, теперь раздевался в ванной и моментально затевал стирку. Согласитесь, удивительный поступок для мужчины, никогда не обременявшего себя домашними хлопотами.

Томочка не выдержала и с самым невинным видом поинтересовалась у него:

– Что это ты в енота-полоскуна превратился?

У Олега сначала забежали глаза, но потом он быстро нашелся:

– Да я в нашей столовой взял сосиски с кетчупом, капнул себе на живот. Вот и решил пятно застирать, а то въестся – и не отойдет.

Томочка кивнула. Она не стала напоминать моему мужу, что он уже несколько дней подряд старательно стирает сорочки. Неужели регулярно обливается томатным соусом?

В голове Тома поселилась нехорошая мысль: наверное, известие о любовнице правда. Олег, придя со свидания, уничтожает улики. Может, на воротничке остался след от губной помады или его дама сердца употребляет слишком едкие духи, а запах лучше всего отбивает холодная вода.

Дальше – больше. В субботу Олег отодвинул тарелку с гуляшом и недовольно буркнул:

– Плохо мясо получилось, с луком-пореем намного вкусней, почему ты его, как вчера, не положила?

Тамарочка спокойно ответила:

– Я никогда не употребляю порей.

Олег осекся и пробормотал:

– Да ну?

– Конечно, – невозмутимо продолжила Тома, – ты забыл? У Вилки на него аллергия, даже от запаха порея она пятнами идет.

– Помню, конечно, – стал врать Олег, – я его с зеленым болгарским перцем перепутал. Ты вчера с ним мясо приготовила, я чуть язык не проглотил, сегодня в сметане не так вкусно.

Можно было напомнить Куприну, что вчера на ужин она потушила карпа. Сеня дико ругался, вытаскивая из вкусной рыбы тонкие кости, а Олег явился за полночь и рухнул в кровать, не заходя на кухню. Но Томочка вновь промолчала, хотя ее мучила мысль: кто вечером угощал майора мясом с луком-пореем?

Затем она обратила внимание на еще одну странность. Когда у Олега начинал звонить мобильный, он отвечал не всегда, иногда, просто взглянув на дисплей, засовывал сотовый в карман, потом шел в ванную, включал душ и начинал тихо разговаривать. Куприн явно не хотел, чтобы кто-либо слышал беседу.

Во вторник доведенная до нервного тика Томочка решилась на крайний поступок. После того как Олег, посекретничав под шум воды, вышел и отправился на лестницу курить, она схватила оставленный им в прихожей мобильник и переписала последний определившийся номер.

В подруге явно пропал Эркюль Пуаро и Джулия Робертс в одном флаконе, потому что она потом пошла в спальню, взяла свой сотовый и позвонила.

– Аллю, – прожурчал милый женский голос.

На слух даме было лет сорок.

– Анечка! – воскликнула Тамара.

– Вы ошиблись, – вежливо ответила дама и отсоединилась.

Тоμούля снова набрала тот же номер.

– Анечка!

– Вы не туда попадаете, – слегка раздраженно сказала незнакомка.

– Простите, – затараторила Тома. – Я купила базу МТС, и там этот номер значится как принадлежащий моей знакомой Анне Коротковой.

– Нет, – поправила ее тетка, – это ошибка. Я Леся Комарова, больше не названивайте сюда. Никакой Коротковой здесь и в помине нет, ясно?

Томочка швырнула трубку в кресло. Более чем! Именно это имя и фамилию называла анонимная доброхотка.

После этого Тамара пошла еще дальше. На следующий день, забросив все дела, она устроилась неподалеку от входа на работу Куприна. В пять вечера к проходной подкатила красивая иномарка, из нее вышла великолепно сохранившаяся, может, чуть полноватая дама, выглядевшая лет на тридцать. Но Тамара сразу поняла, что разлучнице больше годков этак на десять. Поразило ее и материальное положение особы. Шикарная машина, модная прическа, дорогие туфли...

Бабенка закурила, опершись на капот. Спустя минут пять из проходной с самой счастливой улыбкой на лице выскочил Олег.

Он подошел к нахалке, пару минут парочка ворковала, а потом нырнула в авто и была такова.

Едва пришедшая в себя от негодования Тома вытащила мобильный и попыталась соединиться с Олегом.

– Абонент включил режим запрета входящих звонков или находится вне зоны действия сети, – сообщил автомат равнодушным голосом.

Она закончила свой рассказ.

Наверное, у меня был чрезвычайно глупый вид, потому что Тамарочка затараторила:

– Понимаю, это ужасное сообщение, но кто предупрежден, тот вооружен.

В ту же секунду я поднялась и ринулась в спальню. Тома ухватила меня за футболку:

– Ты куда?

– Сейчас сложу вещи Куприна в сумку и вышвырну во двор, – прошипела я.

– С ума сошла! – возмутилась подруга. – Куда же он пойдет?

– Да к своей цаце! Небось у нее квартира есть. И потом, мне все равно, куда он денется.

– Нет, стой, так нельзя.

– Почему? – искренне удивилась я.

– А вдруг он обидится и не вернется.

– Ну и фиг с ним, беру развод и девичью фамилию.

– Останешься без мужа.

– И великолепно. Я ему верила, а он...

Слезы градом потекли по щекам, к горлу подступил горький ком, руки затряслись от злости.

Томочка схватила меня за руки, впихнула в свою спальню, повернула ключ в замке и сказала:

– Только спокойствие. Сколько лет ты живешь с Олегом?

– Мы же выходили замуж в один день, – шмыгнула я носом, – четыре года назад.

– Именно. Что же, теперь отдавать супруга, которого столько времени воспитывала, в руки чужой крашеной дылды?!

– Не стану жить с вруном!

– Между прочим, Олегу скоро полковника дадут!

– Хоть генерала!!!

– Вилка, не кипятись. Представляешь, снова выходить замуж за другого, чужого, противного... привыкать к нему.

– Ну уж нет, – прошептала я, – одна проживу! Вот почему он торт принес! Хотел прикинуться заботливым. Думал следы замести! Ну не сволочь ли! И потом, когда я вернулась из Вязьмы, у нас была убранная кровать... Томуська! Он не ночевал дома?

Она кивнула. Внезапно комок, стоявший у меня в горле, лопнул и растекся по телу холодными струями. Да, Олег невнимателен, он никогда не помнит никаких дат. Неаккуратен до безобразия, после него не войти в ванную комнату, на полу лужи, на зеркале пятна зубной пасты, в углу валяется нижнее белье, которое мой супруг метнул в корзину, но вновь не попал в цель. Куприн не занимается домашним хозяйством и обожает учить меня жизни. Порой он

бывает невыносим. Иногда мне хочется убить его, но вот развестись... Подобная мысль ни разу не приходила в голову. Другого спутника жизни мне не надо, потому что Олег понимает меня, как никто другой. Одним словом, муж умеет вернуть мне хорошее настроение. Он очень добр и абсолютно не жаден. Да, майор никогда не приносит цветов и конфет, потому что в его понимании это не подарки, а ерунда. Но под Новый год он торжественно привел меня в большой магазин и надел на плечи хорошенькую шубку. А когда я воскликнула: «Это дорого!» – он молча вытащил пачку денег и увел меня из торгового зала в мехах.

Кто сидел около моей кровати, когда я, заразившись от одного ученика корью, свалилась с немыслимой температурой? Кто моет собаку Дюшку, потому что она всегда скачет по ванне, обдавая всех дождем из мыльных брызг? Кто приволок из командировки в Чехию жуткий столовый сервиз «Мадонна»? Кто, в конце концов, нацепив парадную форму, ходит в школу к Кристине, когда та в очередной раз обозлит директрису? Кто?

Теперь он станет делать все это для Леси Комаровой? Я заревела как белуга.

– Ну, Вилка, – зашептала Тamarочка, – успокойся. Все пока не так страшно.

– Ты полагаешь? – всхлипнула я.

– Конечно, – тоном столетней, умудренной жизненным опытом старухи ответила подруга, – надо просто отбить его у этой мымры назад. Вот на, я специально купила.

В моих руках оказался довольно толстый том в яркой глянцевой обложке. «Эля Малеева. Как гарантированно вернуть мужа в семью».

– Почитай, – велела Томочка, – я просмотрела, по-моему, очень разумно.

Я открыла страницу наугад: «Все мужики козлы, но если внимательно посмотреть вокруг, то твое сокровище не хуже других». Я кивнула, совершенно верно, мой хороший, самый лучший, просто замечательный, никому его не отдам!

– Мама, – в спальню принялась ломиться Кристина, – чего заперлась? Смотри, что я купила!

Тамара открыла дверь. В комнату вихрем ворвалась Крестя и начала демонстрировать нечто розовое, шуршащее. Но мне в этот момент было ни до чего. Сунув под мышку научный труд Эли Малеевой, я отправилась к себе и до полуночи тщательно изучала пособие по приводу неверного мужа в стойло семьи. Дочитав до конца, я, тяжело вздохнув, захлопнула книгу. Приходится признать: я сама, собственными руками разрушила счастье, вела себя совершенно неправильно, и теперь нужно проделать большую работу, чтобы вновь стать любимой женой. Уже завтра начну следовать советам автора. Вот тут, в аннотации, сказано: «Э. Малеева, психолог по образованию, ведущий специалист в области семейных отношений. Четыре раза вышла замуж, и всегда удачно. Имеет троих детей». Если она столько раз была счастлива в браке, то у нее стоит поучиться. Но без помощи Томочки мне не обойтись.

Позабыв, что часы показывают за полночь, я помчалась в комнату к подруге вырабатывать стратегический план. Нужно применить на практике первый из предложенных Элей Малеевой способов, он называется «Романтически-эротический ужин».

ГЛАВА 10

Утром я ушла из дома около девяти, вернее, уехала. Очень не хотелось тащиться в Никологорск на электричке, поэтому я села в свою «шестерку» и покатила в сторону Минского шоссе. День обещал быть насыщенным: сначала следует найти мать Петра Попова, узнать, не у нее ли Маша, потом предстоит пробежаться по магазинам. Романтически-эротический ужин требует обстоятельной подготовки.

Вы можете мне не верить, но по Москве я пролетела птицей, не попав ни в одну пробку. Улицы почему-то были почти пустыми, все автомобили куда-то подевались. Испытав радостное изумление, я оказалась на шоссе и спустя полчаса уже въезжала в Никологорск, крохотный поселок, обозначенный на карте как город из чистого недоразумения. Собственно говоря, тут имелась лишь одна проезжая, покрытая асфальтом улица, и носила она имя Ленина. Проехав по ней до самого конца, я увидела женщину, сидевшую на скамеечке возле одного из домов, и спросила:

– Не подскажете, где тут улица Победы?

– Тама, – махнула рукой аборигенка, – тудысь ступайте, пехом, не проехать на машине, больно узко.

Оглядев нитеобразную дорогу, я оставила «Жигули» на обочине и пошла по извилистой, вытопанной тропинке. Интересно, кому из местного руководства пришла в голову идея обозвать эту щель улицей Победы?

По обе стороны от меня теснились совершенно деревенские избушки, все, как на подбор, покосившиеся и старые. Неприятный запах, витавший в воздухе, сообщал о том, что в сем богом забытом месте отсутствует центральная канализация.

Восемнадцатый дом оказался последним, и стоял он в «чудесном» месте. Улица тут заканчивалась, дальше, буквально в одном шаге от поломанного забора, начиналась свалка, а слева, за родным гнездом Петра Попова, простиралось кладбище, старое, тесно забитое простыми деревянными крестами и железными оградками. Странное существо русский человек, даже после кончины он не желает смешиваться с толпой, а пытается сохранить некую обособленность, отделяет свою могилу. Хотя, где ты после всего окажешься, какая разница! Впрочем, лично мне не хотелось бы очутиться навечно в подобном месте, рядом с помойкой. Уж лучше в тени деревьев, на холме, или нет, пусть мой прах развеют в воздухе, не надо никому рыдать на могиле Виолы Тарakanовой!

Воображение мигом нарисовало мрачную картину. Вот несколько крепких парней тащат гроб. За ним, обливаясь слезами, идет толпа. Впереди под руку ведут Олега, он совсем убит горем и едва передвигает ноги. Так ему и надо, пусть хоть у моей могилы поймет, кого потерял. Я выгляжу... ужасно! Кому пришла в голову идея нацепить на меня этот гадкий зеленый костюм? Цвет молодого салата страшно бледнит, и я кажусь уродкой! Да еще мне повязали платок, вообще с ума сошли. Даже умереть нормально не дадут. В шкафу же висит очень красивый голубой пуловер и совершенно новые джинсы. Или мои родственники решили, что в джинсах на тот свет нельзя? Идиоты! Пусть немедленно переодевают.

От злости я топнула ногой. Поднялось легкое облачко пыли, видение исчезло. Ну и бред иногда приходит мне в голову. Надеюсь еще жить и жить вместе с Олегом. Впрочем, если не сдам вовремя рукопись Олеся Константиновне, жизнь станет не такой приятной, придется вновь искать учеников. Давай, Вилка, хватит нюни распускать.

Я толкнула калитку и очутилась в маленьком, заросшем сорняками дворике. Около крыльца спиной к забору сидела девочка, что обрадовало меня безмерно. Ну не молодец ли я? Точно вычислила местонахождение дитяти.

– Машенька, здравствуй!

Ребенок обернулся, и я поняла, что это мальчик, просто он давно не стрижен. Кудрявые волосы падали малышу на плечи, нет, это не Маша, да и старше он, ему лет шесть-семь...

– Деточка, позови бабушку.

Мальчик равнодушно отвернулся и снова принялся ковырять землю. Вместо лопатки у него была старая, черная от грязи столовая ложка.

– Котенок, ты один?

Малыш не реагировал. Он не повернул головы и тогда, когда я, поднявшись по отчаянно скрипевшим ступенькам, открыла дверь избы.

В нос ударил запах то ли сырости, то ли гниения, а может, это был аромат бедности? Нищета была тут из всех углов. Я очутилась в довольно большой комнате, чистой и практически без мебели. У одной стены стоял диван с сильно потертой гобеленовой обивкой, посередине громоздился поцарапанный стол, два стула. Еще тут имелась тумба для телевизора, а из стены торчал провод антенны. Но самого телевизора не было. На окне висели пожелтевшие от старости занавески из тюля.

– Есть тут кто живой? – крикнула я.

В противоположном углу комнаты скрипнула дверь, и появилась женщина неопределенных лет в ситцевом халате и фартуке.

– Вам кого? – приветливо поинтересовалась она, вытирая мокрые руки о передник.

– Вы Раиса Николаевна?

– Нет, я – Зинаида Николаевна.

– Сестра Раисы, – догадалась я.

– Правильно, – кивнула она, – можете Зиной звать, я не привыкла к отчеству.

– Мне нужна Раиса.

Зина покачала головой:

– Ее нет.

– Вот жалость, – расстроилась я, – специально из Москвы прикатила, чтобы поговорить. Можно у вас во дворе подожду, посижу на скамеечке?

Зинаида сняла фартук.

– Раисы нет.

– Я поняла, она, очевидно, на работе, впрочем, я не стану вам мешать, сейчас уйду. Вы только мне объясните, где институт находится.

Зина села на стул, сложила на коленях большие, натруженные руки и с изумлением спросила:

– Какой институт?

– Ну тот, где Раиса Николаевна преподает. Схожу туда.

Зинаида заправила за ухо выбившуюся из пучка прядь и сказала:

– Никак не пойму, о чем речь.

– Вообще-то, мне нужен Петя Попов, если он, конечно, тут живет.

Лицо Зины просветлело.

– Ну наконец-то и до нас очередь дошла. Сейчас приведу.

– Он дома? – обрадовалась я.

– Где же ему быть, – дернула плечами Зинаида и ушла.

Я расслабилась и мысленно похвалила себя за необыкновенную смекалку. Даже если Маши здесь нет, Петя скорей всего знает, где девочка. Отец любит дочь, наверное, он часто навещает ее и сообщит мне, с кем теперь живет Маша. Правда, немного странно, что после развода девочка осталась с мачехой, но в жизни случается всякое.

Дверь отворилась, в комнате вновь появилась Зинаида, за руку она вела патлатого мальчика.

– Вот, – сказала хозяйка, – Петя, а тут документы.

На стол лег довольно пухлый конверт.

– Мне с вами ехать или сами его заберете? – спросила Зинаида.

– Это Петя? – воскликнула я.

– Ну да, – кивнула Зина, – вы бумаги посмотрите. Все точно оформлено, Петр Петрович Попов, круглая сирота.

– Мальчик – сын Пети Попова? – еще больше изумилась я.

– Верно.

– Сколько же ему лет?

– Седьмой пошел.

– А почему он все время молчит?

Зина всплеснула руками.

– Издеваетесь, да? Приехали забирать мальчишку в интернат для глухонемых и спрашиваете, почему он не говорит?

Тут только до меня дошла суть происходящего.

– Простите, очевидно, плохо объяснила вам цель своего приезда. Я не имею никакого отношения к заведению для несчастных детей-инвалидов.

– Да ну? – протянула Зина, в ее темных, похожих на вишни глазах заплескалось разочарование. – Что вам тогда нужно?

– Мне нужна Маша Попова.

– Это кто?

– Дочь Петра Попова-старшего, сына Раисы.

– У него была девочка?

– А вы не знали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.